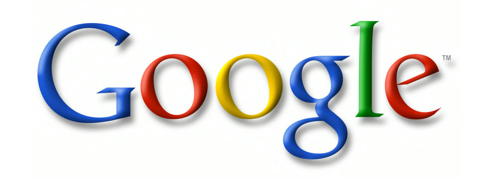


Kheltuplishvili, Mikhail

МИХ. В. ХЕЛТУПЛИШВИЛИ.

ВСТУПЛЕНІЕ ГРУЗІЙ

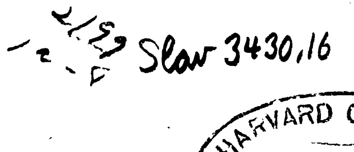
ВЪ СОСТАВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

ИЗДАНІЕ АЛ. АРАБИДЗЕ.

КУТАИСЪ

ТИПОГРАФІЯ КИЛАДЗЕ И ХЕЛАДЗЕ.

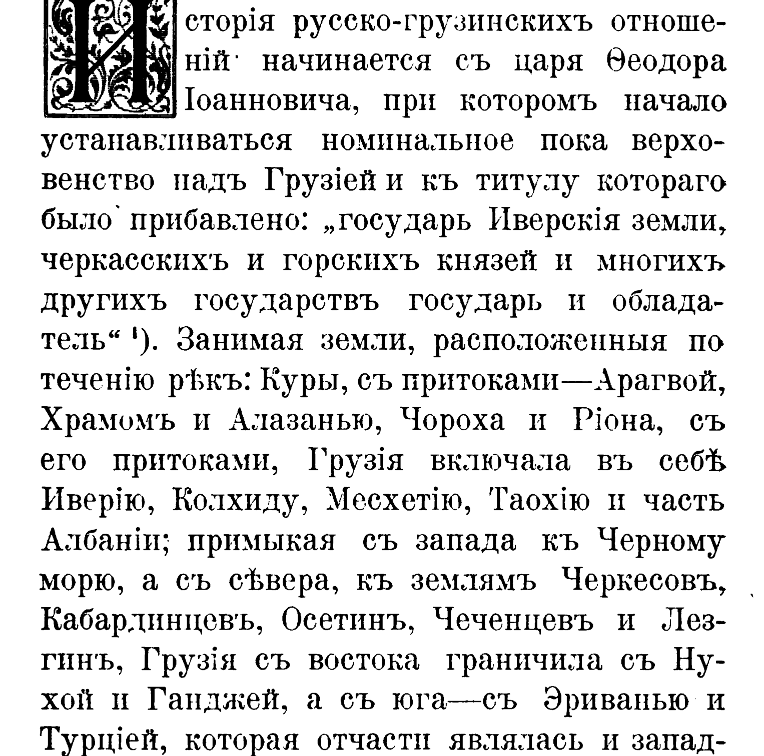
1901.



Дозволено цензурою, Москва 31 Августа 1901 года.

ВСТУПЛЕНІЕ ГРУЗІИ ВЪ СОСТАВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

I.



Исторія русско-грузинскихъ отношеній начинается съ царя Өеодора Іоанновича, при которомъ начало устанавливаться номинальное пока верховенство надъ Грузіей и къ титулу котораго было прибавлено: „государь Иверскія земли, черкасскихъ и горскихъ князей и многихъ другихъ государствъ государь и обладатель“ [1]). Занимая земли, расположенныя по теченію рѣкъ: Куры, съ притоками—Арагвой, Храмомъ и Алазанью, Чороха и Ріона, съ его притоками, Грузія включала въ себѣ Иверію, Колхиду, Месхетію, Таохію и часть Албаніи; примыкая съ запада къ Черному морю, а съ сѣвера, къ землямъ Черкесовъ, Кабардинцевъ, Осетинъ, Чеченцевъ и Лезгинъ, Грузія съ востока граничила съ Нухой и Ганджей, а съ юга—съ Эриванью и Турціей, которая отчасти являлась и западной, или, лучше сказать, юго-западной границей. Только во второй половинѣ XV сто-

лѣтія Грузія окончательно распалась на три царства: карталинское, кахетинское и имеретинское, и пять княжествъ: самцхе-кларджетское, саатабагское, мингрельское, гурійское, абхазское и сванетское. Самцхе-Кларджетское саатабагство, впрочемъ, скоро было совсѣмъ отторгнуто отъ остальной Грузіи и вошло въ составъ Турецкой имперіи, съ наслѣдственнымъ (ахалцыхскимъ) пашей изъ рода бывшихъ атабаговъ (1625 г.). Не только русскіе, но и грузины, говоря по-русски, часто невѣрно употребляютъ слово „Грузія“, обозначая имъ Карталинію и Кахетію, а иногда даже только одну изъ нихъ. Намъ незачѣмъ повторять эту ошибку. Наравнѣ съ судьбами царствъ карталинскаго и кахетинскаго, мы будемъ касаться, хотя бы въ немногихъ словахъ, и судебъ царства имеретинскаго и владѣтельствъ мингрельскаго, гурійскаго и абхазскаго, будучи вынуждены, къ сожалѣнію, за неимѣніемъ подъ руками необходимыхъ матеріаловъ, обойти молчаніемъ присоединеніе Сванетіи.

По раздѣленіи грузинскаго царства, цари карталинскій, кахетинскій и имеретинскій были вполнѣ независимы другъ отъ друга, владѣтели же только нѣкоторое время были въ зависимости отъ царя имеретин-

скаго, который считался ихъ сюзереномъ. Это распаденіе царства ослабило Грузію и было на руку ея внѣшнимъ врагамъ, которымъ разъединенная Грузія уже не могла противостать и которые искусно пользовались междуусобіями царей и владѣтелей, чтобы утвердить надъ ними свое верховенство. Грузинскіе цари вынуждены были подчиняться или шаху, или султану, и въ то время какъ одинъ признавалъ верховное покровительство Персіи, другой, чтобы не поддаться шаху, склонялся на сторону Турціи; нѣкоторые же изъ нихъ стали обращать свой взоръ на единовѣрную Москву, надѣясь съ ея помощью избавиться отъ иновѣрной зависимости [2]). Съ этою цѣлью въ 1586 г. кахетинскій царь Александръ II просилъ царя Ѳеодора Іоанновича принять его со всѣмъ народомъ подъ свое покровительство и оказать помощь противъ турокъ. Ѳеодоръ Іоаннновичъ охотно на это согласился и, принявъ Александра подъ свое покровительство, присоединилъ къ титулу слова: „государь Иверскія земли и Грузинскихъ царей“. Никакихъ существенныхъ послѣдствій это признаніе верховенства русскаго царя надъ Иверіей не имѣло: хотя Ѳеодоръ Іоанновичъ до конца своей жизни

поддерживалъ съ Александромъ дипломатическія сношенія, но русскія войска для обороны Грузіи отъ непріятелей не посылались, и это покровительство было только номинально. Въ 1602 г. Александръ II снова присягнулъ—уже царю Борису Θеодоровичу, который гораздо серьезнѣе смотрѣлъ на это дѣло. Отправляя въ 1604 г. пословъ въ Кахетію, Борисъ Θеодоровичъ поручилъ имъ развѣдать на пути: „есть ли въ Грузіи князья, желающіе быть подъ покровительствомъ Россіи, и стараться ихъ склонить къ этому всѣми способами, соотвѣтственными ихъ народному духу“; кромѣ того, послы получили приказаніе узнать: «находятся-ли въ Грузіи (т. е. въ Кахетіи) и въ Карталиніи князь и княжна, достойные вступить въ брачные союзы съ царевичемъ Θеодоромъ Борисовичемъ и съ царевной Ксеніей Борисовной». Въ присутствіи этихъ пословъ, 10 мая 1605 года, карталинскій царь Георгій присягой призналъ себя подъ покровительствомъ царя Бориса и обѣщался выдать свою дочь Елену за наслѣдника русскаго престола; со стороны русскихъ Карталиніи была обѣщана помощь противъ ея враговъ. Но умеръ царь Борисъ, и это его начинаніе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Послѣ двадцатилѣт-

няго обмѣна письмами и посольствами съ царемъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, внукъ Александра, царь кахетинскій Теймуразъ, въ 1639 г. снова призналъ верховное покровительство Россіи, обязавшись не вступать въ дружбу ни съ шахомъ, ни съ султаномъ, и получивъ обѣщаніе, что русскій царь будетъ оказывать ему поддержку и защиту въ его борьбѣ съ невѣрными. Однако, когда въ 1658 г. царь Теймуразъ прибылъ въ Москву просить у царя Алексѣя Михайловича помощи противъ шаха и его вѣрнаго слуги Ростомъ-хана, изгнавшаго Теймураза изъ его царства, ему было отказано въ воинской помощи. Въ 1652 г. царь имеретинскій Александръ III присягнулъ царю Алексѣю, признавъ его своимъ покровителемъ и получивъ такое же обѣщаніе внѣшней охраны. Затѣмъ, въ продолженіи цѣлаго столѣтія повторялось то же самое: грузинскіе цари признавали русское верховенство, русскіе обѣщали покровительство и охрану; съ русской стороны были посланія и посольства, но не было помощи. Грузинскіе цари признавали русскаго царя своимъ государемъ, верховнымъ покровителемъ, т. е. тѣмъ, чѣмъ часто, послѣ раздѣленія царства, бывали по отношенію къ

грузинскимъ царямъ и владѣтелямъ шахъ и султанъ, которые тоже именовались государями (хэлмципэ), а не царями (мэпэ); русскій государь обязывался защищать поддавшагося владѣльца отъ внѣшнихъ непріятелей, а владѣлецъ клялся въ вѣрности и обѣщался выполнять извѣстныя условія; но защита не оказывалась, условія оставались условіями, верховенство, не имѣя никакихъ фактическихъ послѣдствій, оставалось номинальнымъ. Персія и Турція, между тѣмъ, мстили грузинамъ за эти попытки сблизиться съ русскими и, рѣдко обращая вниманіе на существованіе русскаго номинальнаго верховенства, утверждали свое фактическое господство,—Персія въ восточной, а Турція въ западной части Грузіи. «Въ половинѣ XVIII вѣка,—говоритъ составитель «Историческаго очерка распростр. и устр. русск. влад. подъ Кавк. и въ Закавк.»,—дѣла наши по сію и по ту сторону закавказскаго хребта находились въ положеніи гораздо невыгоднѣйшемъ, чѣмъ за двѣсти или за полтораста лѣтъ предъ тѣмъ» [3]). Нужно только замѣтить, что грузинскіе цари такимъ образомъ привыкали смотрѣть на русское верховенство, какъ на номинальное, не стѣсняющее ихъ свободы и могущее между тѣмъ вну-

шить нѣкоторую сдержанность окружавшимъ Грузію со всѣхъ сторонъ непріятелямъ, хотя иногда и выходило совершенно противное.

II.

Настоящая исторія вступленія Грузіи въ составъ Россійской Имперіи начинается только со второй половины XVIII вѣка, т. е. съ царя Ираклія II Теймуразовича карталинскаго (1760—1798 г.) и кахетинскаго (1744—1798 г.). Это царствованіе принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ царствованій грузинской исторіи. Обладая рѣшительнымъ умомъ, твердымъ характеромъ и военнымъ геніемъ, признаннымъ Фридрихомъ Великимъ и Екатериной II, царь Ираклій возстановилъ славу и могущество объединенныхъ (1760 г.) царствъ кахетинскаго и карталинскаго. Съ необыкновенной неутомимостью ведя борьбу съ внутренними и внѣшними врагами, Ираклій почти всегда выходилъ изъ нея побѣдителемъ: внутренніе недоброжелатели, съ которыми царь, напоминавшій характеромъ Петра I, не любилъ шутить, смирялись; сосѣдніе же ханы, заключая съ нимъ союзъ или даже признавая его верховенство, старались не возбуждать

его гнѣва. Кавказскіе народы, съ глубокимъ уваженіемъ относясь къ Ираклію и величая его своимъ отцемъ, присвоили ему титулъ „высочества" (умаглэсоба), и даже Европа обратила на него вниманіе: въ русскихъ и заграничныхъ газетахъ описывались доблестные подвиги „грузинскаго принца Ираклія" [4]); западно-европейскіе писатели возлагали на него большія надежды, предсказывая его царству хорошее будущее. Славно, блестяще было начало царствованія „маленькаго кахетинца", какъ звали Ираклія въ народѣ, на столько же славно, на сколько былъ печаленъ его конецъ; но изложеніе фактовъ внутренней и внѣшней политики Ираклія,— до и послѣ объединенія царства,—не входитъ въ планъ моей статьи.

Хотя со смертью Шахъ-Надира (1747 г.) Карталинія-Кахетія освободилась отъ персидской зависимости, но шахъ все еще не отказывался отъ своихъ притязаній на Грузію, именуя Ираклія валіемъ гурджистанскимъ. Желая преобразовать царство по европейскому образцу и ввести Грузію въ число европейскихъ народовъ, Ираклій II рѣшилъ порвать связи съ Востокомъ, окончательно уничтоживъ свою зависимость отъ Персіи. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ

думалъ этого достигнуть путемъ признанія русскаго верховенства. Грузію, вынужденную постоянно быть подъ оружіемъ, тяготило вѣчно-осадное положеніе. Ираклій желалъ, чтобы его народъ получилъ возможность зажить мирною гражданскою жизнью европейскаго человѣчества; онъ хотѣлъ обезпечить миръ и спокойствіе для своего народа, заручившись покровительствомъ единовѣрной Имперіи. Каковы бы ни были послѣдствія этого его рѣшенія, но таковы были его мотивы.

Еще въ 1769 г., когда, побуждаемые императрицею Екатериною II къ войнѣ съ Турціей, цари Соломонъ I имеретинскій и Ираклій II, послѣ свиданія въ Тифлисѣ, рѣшили „послужить государынѣ съ ревностью и вѣрностью", Ираклій изъявилъ желаніе «при мирѣ съ турками быть внесеннымъ въ трактатъ подъ покровительство Россіи», обѣщая, въ свою очередь, этой послѣдней сильную поддержку на случай войны съ Персіей. Хотя это «служеніе съ ревностью и вѣрностью» дорого обошлось Ираклію, брошенному начальникомъ русскихъ войскъ гр. Тотлебенымъ въ самую критическую минуту предъ Аспиндзской битвой (1770 г.), но Ираклій слишкомъ многаго ожидалъ отъ этого

покровительства, чтобъ отрѣшиться отъ него. Въ 1781 г. онъ писалъ кн. Потемкину о своемъ рѣшительномъ желаніи быть подъ верховенствомъ императрицы. Ближайшимъ къ этому поводомъ, по словамъ г. Буткова [5]), было появленіе опаснаго для царства претендента на карталинскій престолъ, въ лицѣ Александра Бакаровича Грузинскаго, внука царя Вахтанга VI Законодателя, выѣхавшаго въ Россію при Петрѣ I. Кн. Потемкинъ сообщилъ о желаніи царя Ираклія Екатеринѣ II, которая съ удовольствіемъ приняла это сообщеніе. Отправляя въ 1782 г. доктора Рейнегса въ качествѣ коммиссіонера при царяхъ Соломонѣ I имеретинскомъ и Ираклии II карталино-кахетинскомъ, кн. Потемкинъ поручилъ ему «подвигнуть Ираклія искать формально покровительства самодержицы россійской». Царь Ираклій въ томъ же году написалъ и отправилъ къ императрицѣ Екатеринѣ формальное прошеніе о принятіи его подъ ея верховную власть и, посылая свои условія (въ формѣ «просительныхъ пунктовъ»), просилъ о заключеніи съ нимъ торжественнаго трактата о покровительствѣ. Въ декабрѣ 1782 г. императрица поручила заключеніе этого трактата кн. Потемкину, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года

Ираклій одобрилъ проектъ трактата, присланный отъ кн. Потемкина, и были назначены уполномоченные на его заключеніе: со стороны царя Ираклія—кн. Багратіонъ и кн. Чавчавадзе, а со стороны русскихъ—Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ и подполковникъ Тамара. Наконецъ, 24 іюля 1783 г., трактатъ между Карталиніей—Кахетіей и Россіей былъ заключенъ въ Георгіевскѣ, и послы обѣихъ сторонъ подписали «артикулы» этого трактата [6]), послужившаго исходной точкой дальнѣйшей судьбы всей Грузіи. По трактату 1783 г. карталино-кахетинскіе цари признали надъ собою верховную власть и покровительство русскихъ императоровъ, обѣщая имъ вѣрность и готовность способствовать пользѣ государства (арт. 1); русскіе же императоры приняли на себя это верховное покровительство надъ Карталиніей-Кахетіей съ ручательствомъ на сохраненіе цѣлости ея владѣній (арт. 2); карталино-кахетинскіе цари обязались, при наслѣдственномъ ихъ на царство вступленіи, испрашивать императорскаго на царство подтвержденія, съ инвеститурой (арт. 3), и во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ подчиняться контролю императорской власти (арт. 4), правильныя сношенія съ которой устанавлива-

лись назначеніемъ карталино-кахетинскаго министра или резидента къ русскому двору, а русскаго—къ карталино-кахетинскому двору (арт. 5); русскіе императоры обязались: народы царства карталино-кахетинскаго почитать пребывающими въ тѣсномъ союзѣ и согласіи съ имперіей и непріателей ихъ почитать за своихъ непріятелей; царя Ираклія и его наслѣдниковъ и потомковъ сохранять безпрерывно на царствѣ карталино-кахетинскомъ; власть, съ внутреннимъ управленіемъ сопряженную, судъ и расправу и сборъ податей предоставить царю въ полную его волю, запрещая своему военному или гражданскому начальству вступаться въ какія-либо распоряженія (арт. 6). Карталино-кахетинскіе же цари обязались: быть всегда готовыми со своими войсками на службу императору, удовлетворять законнымъ требованіямъ его представителя, охранять его подданныхъ отъ всякихъ обидъ и притѣсненій и, при опредѣленіи людей къ мѣстамъ и возвышеніи ихъ въ чины, принимать во вниманіе ихъ заслуги предъ императорскимъ престоломъ (арт. 7); грузинскій католикосъ былъ назначенъ членомъ святѣйшаго сvнода (арт. 8); карталино-кахетинскому дворянству были предоставлены всѣ права и пре-

имущества русскаго дворянства (арт. 9), а всѣмъ вообще карталино-кахетинскимъ уроженцамъ было предоставлено право въ Россiи селиться, выѣзжать и паки возвращаться безвозбранно (арт. 10); карталино-кахетинскому купечеству предоставлена была свобода отправлять свои торги въ Россiи, пользуясь правами и преимуществами русскаго купечества, которому, въ свою очередь, царь обѣщалъ всемѣрное облегченiе въ торгѣ купцовъ въ областяхъ его или въ проѣздѣ ихъ для торгу въ другiя мѣста (арт. 11). Въ заключенiи, необходимымъ условiемъ какихъ-либо перемѣнъ въ договорѣ ставилось обостороннее соглашенiе (арт. 12) и опредѣлялся срокъ размѣна ратификацiй (арт. 13). Кромѣ того, четырьмя сеператными артикулами: 1) Ираклiю совѣтовалось сохранять доброе согласiе съ царемъ Соломономъ имеретинскимъ и ставилось въ обязанность повергать могущiя съ нимъ возникнуть распри на разсмотрѣнiе императрицы; 2) для охраненiя царства отъ внѣшнихъ враговъ Ираклiю обѣщалось два батальона пѣхоты съ 4 пушками; 3) на случай войны, еще обѣщалась помощь отъ главнаго пограничнаго начальника и 4) давалось слово, что императрица употребитъ всевозможное старанiе о возвра-

щеніи царю земель, издавна царствамъ карталинскому и кахетинскому принадлежавшихъ. Въ трактатѣ русское правительство признало за Иракліемъ титулъ «высочества», подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ между азіатскими сосѣдями.

О заключеніи трактата было торжественно объявлено въ Тифлисѣ 20 августа, а въ ноябрѣ были получены знаки инвеституры и грамота императрицы съ ратификаціей на трактатъ. Ираклій принялъ присягу въ усердіи къ Имперіи и самъ публично возложилъ въ церкви на царицу Дареджану орденъ св. Екатерины съ брилліантовой звѣздой, присланный ей отъ императрицы; кн. Гарсеванъ Чавчавадзе былъ принятъ въ качествѣ министра карталино-кахетинскаго царя при русскомъ дворѣ. Въ ноябрѣ слѣдующаго 1784 г. прибыли въ Тифлисъ два батальона русскихъ войскъ и вступили въ распоряженіе царя. Ираклій былъ доволенъ: сбылось его завѣтное желаніе,—онъ пріобрѣлъ покровительство императрицы. Довольна была и Екатерина, которая приняла извѣстіе о заключеніи трактата съ удовольствіемъ, равнымъ «славѣ изъ того пріобрѣтенной и пользѣ несомнѣнно ожидаемой». «За грузинское дѣло снова тебѣ спасибо», писала

она кн. Потемкину,—«прямо ты—другъ мой сердечный! Voilà bien des choses en peu de temps! На зависть Европы я весьма спокойно смотрю, пусть балагурятъ, а мы дѣло дѣлаемъ» [7]). Трактатъ былъ заключенъ, и Карталинія-Кахетія вошли въ составъ Россійской Имперіи, рѣшивъ судьбу и всѣхъ остальныхъ частей Грузіи.

III.

Трактатъ 1783 г. сдѣлался для царя Ираклія и его народа источникомъ величайшихъ бѣдствій, прямымъ послѣдствіемъ которыхъ было окончательное паденіе карталино-кахетинскаго царства. Когда адербеджанскіе ханы были извѣщены универсалами кн. Потемкина о принятіи Ираклія подъ русское покровительство, весь магометанскій міръ встрепенулся. «Царь Ираклій», говорилъ посланникъ Сулеймана-паши ахалцыхскаго, прося противъ царя поддержки у турокъ,—«есть колеблющаяся скала, паденія которой нужно опасаться. Онъ поддерживается русскими потому, что ищетъ нашего разрушенія, и, если не будетъ помощи, то, безъ сомнѣнія, мы погибли». И тѣ изъ хановъ, которые прежде были съ Ираклiемъ

въ добрыхъ отношеніяхъ, теперь преисполнились вражды къ нему; союзники отлагались; подданные магометанскаго закона худо ему повиновались; ахалцыхскій паша, соединясь съ Омаръ-ханомъ аварскимъ, котораго поддерживали турки, шелъ на Грузію. По словамъ самого Ираклія, Грузія впала въ такое бѣдствіе, какого еще не видала, послѣ Шахъ-Аббаса. Царица Дареджана и князья упрекали царя за послѣдствія его трактата; онъ самъ ихъ отлично видѣлъ; спокойно взирало на нихъ и русское правительство. Не получая съ Линіи (Кавказской) вспомогательныхъ войскъ, Ираклій, чтобъ примириться съ Омаръ-ханомъ, долженъ былъ назначить ему жалованіе, а миръ съ Сулейманъ-пашей былъ пріобрѣтенъ цѣною посылки къ нему двухъ аманатовъ изъ князей. Исполняя требованія ахалцыхскаго паши, царь просилъ о возвращеніи изъ Россіи сына своего, католикоса Грузіи Антонія II, и министра кн. Чавчавадзе. Когда эта просьба Ираклія была исполнена и когда, кромѣ того, передъ второй Турецкой войной, русскія войска были выведены изъ предѣловъ царства, положеніе царя улучшилось. Ираклій скоро возстановилъ прежнія отношенія съ ханами, «разрушившіяся единственно пре-

бываніемъ въ землѣ его россійскихъ войскъ», и вступая въ союзъ съ одними, наказывалъ другихъ.

Но недолго отдыхала Карталинія-Кахетія. Ираклій все же былъ подъ покровительствомъ русской императрицы, и шахъ не могъ ему этого простить,—Ага-Магометъ-ханъ готовился вторгнуться въ Грузію. Русское правительство не признавало Ага-Магометъ-хана шахомъ Персіи, и онъ, идя на Ираклія, чтобы сдѣлать его своимъ вассаломъ, мстилъ отчасти и Россіи. Ираклій видѣлъ всю опасность своего положенія, но онъ напрасно взывалъ къ помощи Россіи, прося или помочь, или отречься отъ покровительства: отрекаться,—русское правительство не отрекалось, момогать,—не помогало. Ага-Магометъ-ханъ приближался, а ген. Гудовичъ на просьбы Ираклія отвѣчалъ, что «нынѣ отправлять въ Грузію войска за благо не пріемлется», и совѣтовалъ ему «принять дѣятельныя мѣры къ оборонѣ». Ага-Магометъ-ханъ смирилъ хановъ эриванскаго, ганжійскаго, шекійскаго и, получивъ отъ армянскаго католикоса Луки 100 т. р. на военныя издержки, пошелъ къ предѣламъ Карталиніи-Кахетіи. Изъ подъ Шуши онъ еще разъ предложилъ Ираклію признать вер-

ховенство Персіи, но царь оставилъ это предложеніе безъ отвѣта, все еще надѣясь, что Россія не оставитъ его. Ага-Магометъ-ханъ вступилъ въ предѣлы царства. Народъ упалъ духомъ, жители бѣжали въ лѣса и горы, часть имеретинскихъ войскъ, пришедшихъ на помощь Ираклію, бѣжала, производя на пути грабежи. Настали тяжелые для царства дни: народъ смотрѣлъ на нашествіе 70.000 персидской рати какъ на неотразимое бѣдствіе, и, какъ то бываетъ во дни чумы или холеры, уныніе отгонялось безчинствами и грабежами; воины не повиновались военачальникамъ; царевичи, которымъ Ираклій предъ тѣмъ роздалъ удѣлы, не исполняли царскихъ приказаній; народъ роптал на царя и царевичей; не было никакой надежды противостать огромнымъ силамъ персовъ. Послѣ отчаянной битвы, данной ничтожными силами царя Ираклія персидскимъ ополченіямъ, Тифлисъ былъ взятъ Ага-Магометъ-ханомъ—12-го сентября 1795 года. Я не буду говорить о всѣхъ ужасахъ этого опустошенія: все было ограблено, все было сожжено,—учрежденная царемъ Иракліемъ семинарія, гдѣ преподавались европейскія науки, возобновленная имъ же типографія, о которой онъ такъ заботился,—

все исчезло. Городъ представлялъ груду развалинъ. Уходя изъ Карталиніи, Ага-Магометъ-ханъ увезъ изъ Тифлиса корону и скипетръ, пожалованные царю императрицею, какъ бы желая тѣмъ показать, что одной посылкой инвеститурныхъ знаковъ покровительство не исчерпывается. Только 1-го октября, уже послѣ ухода Ага-Магометъ-хана, ген. Гудовичъ получилъ повелѣніе «подкрѣпить царя Ираклія, яко вассала россійскаго, сходно съ собственнымъ достоинствомъ нашимъ и интересами, противу непріязненныхъ на него покушеній». Это подкрѣпленіе прибыло въ Грузію въ декабрѣ 1795 г. Ираклій ободрился: взявшись за оружіе, царь наказалъ Дживатъ-хана ганжійскаго, котораго онъ считалъ проводникомъ Ага-Магометъ-хана въ Карталинію, и наложилъ на него нѣсколько тысячъ рублей дани въ годъ. Между тѣмъ, Ага-Магометъ-ханъ не унимался, направивъ свое оружіе на непокорныхъ хановъ. Въ мартѣ 1796 г. Россія была вынуждена объявить войну Персіи. Война эта была вызвана нарушеніемъ со стороны Персіи русскихъ торговыхъ интересовъ, но въ манифестѣ, объяснявшемъ причины вступленія въ Персію русскихъ войскъ, говорилось и о нападеніи Ага-Ма-

гометъ-хана на Грузію. Война была успѣшна для русскихъ, но умираетъ императрица, и въ декабрѣ 1796 г. главнокомандующій получилъ предписаніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій,—русскія войска отступили.

По отношенію къ Карталиніи-Кахетіи новый императоръ намѣревался придерживаться той же политики, какой придерживалась его предшественница: не отказываясь отъ правъ, предоставляемыхъ ему трактатомъ 1783 г., онъ не думалъ выполнять обязанностей, возлагаемыхъ на него тѣмъ-же трактатомъ. «По договору, съ царемъ Иракліемъ поставленному»,—писалъ Павелъ генералу Гудовичу,—«соблюдать съ симъ владѣтелемъ всякое пристойное сношеніе и его удерживать въ добромъ согласіи и единодушіи съ владѣльцами, къ Россіи болѣе приверженными, дабы, въ случаѣ надобности, соединенными силами всѣ они могли стать противъ покушающихся нашихъ враговъ, а мы колико можно меньше имѣли надобности вступаться за нихъ вооруженной рукой». Видя, что теперь уже поздно думать о примиреніи съ Ага-Магометъ-ханомъ, Ираклій, извѣщенный о вступленіи на престолъ императора Павла,

въ началѣ 1797 г. отправилъ въ Петербургъ своего полномочнаго министра кн. Гарсевана Чавчавадзе съ изъявленіемъ вѣрности и усердія къ Имперіи. Кн. Чавчавадзе отъ имени царя просилъ императора не лишать Карталиніи-Кахетіи своего покровительства, утвердить наслѣдникомъ престола царевича Георгія Ираклієвича и приказать русскимъ войскамъ оставаться въ цаствѣ, пока не прекратятся въ немъ смуты и раззоренія. Послѣ же усмиренія края, министръ просилъ оставить въ Карталиніи-Кахетіи столько войска, сколько будетъ угодно императору. Русскія войска необходимы грузинамъ, какъ «нѣкій щитъ», говорилъ кн. Чавчавадзе. Эти войска должны были стоять въ карталино-кахетинскихъ крѣпостяхъ, которыя царь просилъ принять въ вѣдѣніе Россіи. Кромѣ того, министръ просилъ: «дать царю и народу всероссійскій законъ для управленія государствомъ, дабы онымъ исторгнуть нѣкоторыя, вкравшіяся издревле, азіатскія несправедливости судопроизводства, служащія во вредъ и противность православному христіянскому исповѣданію», принять въ свое распоряженіе всѣ карталино-кахетинскіе рудники, которыми царь не могъ поль-

зоваться за неимѣніемъ людей, знающихъ ихъ разработку, и наконецъ, чеканить монету такъ, чтобъ на одной сторонѣ былъ портретъ императора или заглавныя буквы его имени, а на другой «знакъ царя и Грузіи» [8]).

Между тѣмъ, ободренный отступленіемъ русскихъ войскъ, Ага-Магометъ-ханъ торжествовалъ. Онъ разсылалъ фирманы, извѣщая всѣхъ объ отступленіи русскихъ, будто-бы побѣжденныхъ имъ, и о своемъ намѣреніи снова идти на Грузію, когда рука убійцы положила конецъ жизни этого опустошителя. Ему наслѣдовалъ Баба-ханъ, или Фетали-ханъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ императоръ Павелъ не давалъ никакого опредѣленнаго отвѣта на просьбы карталино-кахетинскаго царя, и только въ декабрѣ мѣсяцѣ кн. Гарсевану Чавчавадзе было сообщено, что «его просьбы (о посылкѣ войскъ) нынѣ удовлетворены быть не могутъ». Тогда министръ Ираклія прямо поставилъ вопросъ, существуетъ ли или нѣтъ договоръ, заключенный между Россіей и Карталиніей-Кахетіей въ 1783 году. Въ первомъ случаѣ онъ требовалъ оказанія помощи, обѣщанной по трактату, во вто-

ромъ—отреченія отъ претензій на верховенство. «Угодно ли тебѣ, великій государь,— писалъ кн. Чавчавадзе въ своемъ прошеніи поданномъ императору 31 декабря 1797 г.,— сдержать оный трактатъ по прежнему въ своей силѣ и угодно ли будетъ дать царю моему, приведенному обязательствами того трактата въ тѣснѣйшія обстоятельства, обѣщанную онымъ помощь? Или до времени по какимъ ни есть причинамъ того сдѣлать не можно? Удостой расторгнуть недоумѣніе мое и ожиданіе всей Грузіи, дабы царь мой и народъ его, оставаясь въ недоумѣніи, обѣтами того священнаго трактата не были доведены до совершенной гибели». Министръ просилъ, если русскіе не хотятъ оказать помощи, то разрѣшить Ираклію заключать «потребныя къ охраненію царства его дружественныя сношенія и связи» съ адербеджанскими ханами и дагестанскими владѣльцами. Но Ираклію уже не суждено было заботиться объ охраненіи царства и видѣть возстановленіе добрыхъ отношеній съ своими сосѣдями. 11-го января 1798 г. въ Телавѣ, куда царь пріѣхалъ, не имѣя силъ видѣть разрушенной столицы, престарѣлый вѣнценосецъ окончилъ свою трагическую жизнь «среди стона народа, плакавшаго на

развалинахъ домовъ своихъ, надъ трупами дѣтей, женъ, мужей и отцовъ своихъ».

Удрученный старостью, разбитый горемъ, въ послѣдніе годы своего царствованія Ираклій обнаруживалъ слабость характера и совершенно подчинился вліянію своей жены Дареджаны, женщины хотя и недюжинной, но всегда руководствовавшейся эгоистическими интересами. Хотя еще при жизни Ираклія наслѣдникомъ престола былъ объявленъ, старшій сынъ царя (отъ 2-го брака) Георгій, которому долженъ былъ наслѣдовать, по праву первородства, его старшій сынъ Давидъ, но мачиха Георгія—Дареджана (царь Ираклій былъ женатъ на третьей), желая доставить престолъ своимъ дѣтямъ, убѣдила Ираклія, и умирающій царь подписалъ завѣщаніе, составленное Іосифомъ Коргановымъ и установляющее новый порядокъ наслѣдованія. По этому завѣщанію, сдѣлавшемуся источникомъ долгихъ смутъ и междуусобій и въ значительной мѣрѣ способствовавшему окончательному паденію царства, Георгію должны были наслѣдовать, по порядку, братья, дѣти Дареджаны, со смертью послѣдняго изъ которыхъ власть переходила къ старшему сыну Георгія, а

тамъ—снова отъ брата къ брату и отъ дѣтей одного брата къ дѣтьямъ другого. Вступивь на престолъ, по смерти родителя, Георгій своею подписью скрѣпилъ это завѣщаніе, надѣясь съ помощью императора избѣгнуть его исполненія.

IV.

Послѣдній карталино-кахетинскій царь Георгій XII Ираклієвичъ (1798—1800 г.), по всѣмъ источникамъ, является человѣкомъ необыкновенно сердобольнымъ и желостливымъ, но необыкновенно же ограниченнымъ и слабохарактернымъ. Царь Георгій все время проводилъ въ молитвѣ, зналъ отлично священное писаніе и не могъ слушать церковнаго пѣнія безъ того, чтобы не начать подпѣвать; не жалуя науки, онъ съ улыбкой отзывался о философіи, называя ее тающимъ льдомъ. Слушая изложеніе философскихъ ученій древности, Георгій откровенно признавался католикосу Антонію I, автору и переводчику на грузинскій языкъ многихъ научныхъ сочиненій, что онъ «не понимаетъ иичего, напрасно толчетъ воду». Не любя охоты, верховой ѣзды, военныхъ упражненій и, вообще, всего, что требовало

движенія и дѣятельности, царь любилъ плотно поѣсть, сладко поспать и понѣжиться въ банѣ. Вспыльчивый, при всей добротѣ своего характера, мелочной и придирчивый, Георгій XII вступилъ на престолъ болѣзненнымъ, психически-растроеннымъ человѣкомъ. «Вотъ еще фальшивая монета»! сказалъ монахъ Туркестанашвили, узнавъ о воцареніи Георгія, и лучшей характеристики новаго царя нельзя было сдѣлать [9]). „Георгій XII“, говоритъ Аб. Берже въ своей статьѣ „Присоединеніе Грузіи къ Россіи“ [10]),—„былъ именно тѣмъ, что могла произвести изжившая отъ продолжительнаго царствованія династія“. Быть можетъ, онъ былъ бы хорошъ, какъ затворникъ-монахъ, но онъ былъ жалокъ, какъ царь. Въ тяжелое, смутное время принялъ власть несчастный Георгій: страна была раззорена послѣ Ага-магометъ-хана, столица лежала въ развалинахъ, народъ испытывалъ нужду и былъ обремененъ чрезмѣрными налогами; не было ни внутренняго порядка, ни внѣшней безопасности. Царевичи, дѣти Дареджаны, составляли враждебную новому царю партію, народъ не любилъ его.

Извѣщая императора Павла о своемъ вступленіи на престолъ, Георгій просилъ не

лишать его и его сына Давида тѣхъ милостей, которыя были обѣщаны царю Ираклію. Императоръ, поздравляя Георгія съ принятіемъ власти, писалъ ему, что ждетъ только формальнаго прошенія объ утвержденіи царя во власти, чтобы отправить къ нему знаки царской инвеституры. Царь отправилъ требуемое прошеніе, въ которомъ онъ просилъ: утвердить его на престолѣ и обезпечить его настолько, чтобы онъ не имѣлъ нужды въ помощ ини отъ какого другого двора; утвердить наслѣдникомъ престола сына его царевича Давида и обнадежить обѣщапіями, что преемники его будутъ имѣть вѣчное и непоколебимое царствованіе въ Карталиніи-Кахетіи и что во внутреннюю жизнь церства никто не будетъ вмѣшиваться. Утвердивъ царя и назначивъ, съ своей стороны, министромъ въ Карталинію-Кахетію Коваленскаго, императоръ прислалъ чрезъ него царю инвеститурные знаки и опредѣлилъ въ Карталинію-Кахетію два егерскіе батальона. По прибытіи русскаго министра въ Тифлисъ, 12-го декабря 1799 года, была принята отъ царя присяга въ усердіи къ Имперіи и наслѣдникомъ престола объявленъ царевичъ Давидъ Георгіевичъ. Царица Дареджана и ея дѣти воспылали гнѣвомъ, удостовѣрясь, что

Георгій не намѣрѣнъ исполнять подписаннаго имъ завѣщанія царя Ираклія о престолонаслѣдіи; искусныя въ этомъ дѣлѣ руки Дарежданы начали плести цѣлую сѣть интригъ противъ безсильнаго Георгія. Царевичи мутили внутри государства и извнѣ, руководясь личнымъ интересомъ, или, лучше сказать, не будучи способными понять даже личнаго интереса. Каждый изъ нихъ добивался престола, ни одинъ изъ нихъ не стыдился наносить раны и такъ уже израненному, измученному отечеству. Дѣти царя, юные царевичи, были заодно съ дядями. „Въ этомъ длинномъ спискѣ лицъ *), предназначенныхъ по рожденію для широкой дѣятельности на пользу родины“,—говоритъ Ад. Берже,—«одинаково отсутствуетъ всякое понятіе о государственныхъ интересахъ, о благѣ родины, о благоденствіи народа, о службѣ отечеству или хоть о поддержкѣ царствующаго брата и отца во имя интересовъ династіи: никто изъ нихъ не выказываетъ ничего, кромѣ самаго узкаго эгоизма и личнаго корыстолюбія». Нѣкоторымъ изъ

*) Кромѣ Георгія и католикоса Антонія II-го, у Ираклія осталось еще пять сыновей, у царя же Георгія ихъ было 12.

царевичей нельзя отказать въ способностяхъ: царевичи Теймуразъ Георгіевичъ и Александръ Ираклiевичъ, безъ сомнѣнія, являются людьми даровитыми, самъ наслѣдникъ престола Давидъ Георгіевичъ отличался быстротой соображенія, остроуміемъ и неоднократно испытанными въ битвахъ военными способностями, нечего и говорить о царицахъ Дареджанѣ и Маріи. Но не на пользу царства направлялись и эти способности. У царя Георгія не было близкихъ людей. Онъ ненавидѣлъ мачиху, боялся братьевъ, не довѣрялъ женѣ и не любилъ наслѣдника Давида, который, будучи весьма слабъ въ вѣрѣ, объявлялъ себя послѣдователемъ Вольтера, почитавшагося царемъ Георгіемъ за «второго Арія» и пугавшаго его религіозное, болѣзненно настроенное воображеніе. На просьбу отца—ходить въ церковь и соблюдать посты, царевичъ велѣлъ ему передать, что онъ не признаетъ того, во что вѣритъ царь, и приглашалъ его молиться тому, чему молится самъ царевичъ. Георгій испугался и еще болѣе замкнулся въ себѣ: онъ всегда руководствовался чувствомъ набожности, думая болѣе о небесной, чѣмъ о земной славѣ; главной обязанностью грузинскаго царя, по его мнѣнію, должна была

быть защита православной религіи, и царевичъ оскорбилъ его въ его священныхъ чувствахъ. Не смотря на свою ограниченность, Георгій понималъ, что онъ царь, что ему нужно что нибудь сдѣлать для своего народа, но онъ не зналъ, что нужно было дѣлать, и ему не съ кѣмъ было посовѣтоваться. Только начальникъ русскихъ войскъ ген. Лазаревъ часто навѣщалъ царя,—и царь Георгій началъ снаряжать въ Петербургъ депутацію, никому, кромѣ ген. Лазарева, не говоря о цѣли ея отправленія. Уполномоченными были назначены князья Гарсеванъ Чавчавадзе, Георгій Авалишвили и Эліазаръ Палавандишвили, которыхъ Лазаревъ и Кноррингъ постарались поскорѣе препроводить въ Россію.

Отправленный Павломъ еще въ октябрѣ 1799 г. въ качествѣ путешественника въ Карталинію-Кахетію для изысканія рудниковъ благородныхъ металловъ, камергеръ графъ Мусинъ-Пушкинъ въ своихъ донесеніяхъ убѣждалъ императора въ необходимости присоединенія Карталиніи-Кахетіи къ Имперіи. Онъ описывалъ «сей благословенный край и всѣ выгоды его присоединенія», которыя, по его мнѣнію, состояли въ слѣдующемъ: 1) присоединяется физически

богатая и изобильная страна; 2) обезпечивается кавказская линія обузданіемъ горскихъ народовъ; 3) открывается обширное поле къ торговлѣ персидской и индійской; 4) въ случаѣ разрыва съ Портою, Россія пріобрѣтаетъ возможность со стороны Анатоліи сдѣлаться страшной какъ Турціи, такъ и Персіи, и 5) присоединеніе Карталиніи-Кахетіи вызоветъ присоединеніе Имеретіи и Мингреліи къ Имперіи». Какъ согласно показываютъ всѣ источники, доводы Мусина-Пушкина окончательно убѣдили императора Павла, и присоединеніе Карталиніи-Кахетіи стало любимой его мечтой, которую онъ надѣялся осуществить [11]).

Между тѣмъ Карталиніи-Кахетіи угрожало новое нашествіе. Персидскія войска, подъ предводительствомъ сына Баба-хана Аббасъ-Мирзы, руководимаго дядькой Сулейманомъ, уже приближались къ предѣламъ царства, когда въ Тифлисъ прибылъ посланный съ фирманомъ Баба-хана, требовавшаго отъ Георгія признанія персидскаго верховенства и выдачи аманатовъ. Георгій принялъ посла въ присутствіи русскаго министра и русскихъ чиновниковъ и, указывая на висѣвшій на стѣнѣ портретъ Павла, сказалъ: «его одного признаю моимъ госу-

даремъ и покровителемъ и никакихъ другихъ повелѣній выполнять не намѣренъ». Извѣщенный о дѣйствіяхъ Баба-хана, Павелъ изъявилъ готовность оказать дѣйствительную защиту Карталиніи-Кахетіи и сдѣлалъ надлежащія къ тому распоряженія: въ Тифлисъ прибылъ одинъ полкъ, другія войска готовились къ выступленію съ линіи, въ самомъ Тифлисѣ шли приготовленія; ген. Кноррингу было предписано, въ случаѣ нужды, самому идти на защиту царя. Несмотря на поощренія со стороны царицы Дареджаны и ея дѣтей, изъ которыхъ Александръ уже пользовался расположеніемъ Баба-хана и былъ въ непріятельскомъ станѣ, Аббасъ-мирза не посмѣлъ идти на Тифлисъ и повернулъ назадъ. Не успѣло царство успокоиться относительно вторженія персіянъ, какъ получены были извѣстія о приготовленіяхъ Омаръ-хана аварскаго къ походу на Карталинію-Кахетію и о пребываніи при немъ царевича Александра Иракліевича. Были приняты дѣятельныя мѣры, и лезгины должны были отступить, потерпѣвъ пораженіе отъ соединенныхъ карталино-кахетино-русскихъ силъ.

Въ Петербургѣ, тѣмъ временемъ, карталино-кахетинскими уполномоченными велись переговоры, которые должны были сдѣлать

нѣкоторыя измѣненія въ трактатѣ 1783 г. и которые дали возможность Павлу выполнить его желаніе объ окончательномъ присоединеніи карталино-кахетиискаго царства. Уполномоченнымъ Георгія было поручено царемъ повергнуть карталино-кахетинское царство въ подданство императора на извѣстныхъ условіяхъ, въ случаѣ непринятія которыхъ, «всякая зависимость, кромѣ международныхъ сосѣдственныхъ сношеній, должна была быть уничтожена» [12]). «Не трудно видѣть»,—говоритъ г. Дубровинъ, разсматривая полномочія царя Георгія,—«что царь надѣялся выхлопотать себѣ всѣ преимущества царя и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться русскимъ войскомъ и русскими деньгами» [13]).

Со стороны императора для веденія переговоровъ были назначены гр. Ростопчинъ и Лошкаревъ. Сообразуясь съ инструкціями царя Георгія и поставленными имъ условіями подданства, изъ которыхъ первое мѣсто занимало требованіе, „чтобы не выводились цари въ домѣ его, а царствовали бы по наслѣдству, какъ предки ихъ“, и стараясь согласовать эти требованія съ обѣщаніями русскаго правительства, карталино-кахетинскіе уполномоченные составили, въ формѣ „просительныхъ пунктовъ“, слѣдую-

щую формальную ноту, которую 17 ноября 1800 г. они и представили императору отъ имени царя Георгія:

1) „Е. в. царь Георгій Карталинскій, Кахетинскій и прочихъ, нашъ государь, вельможи, духовенство и народъ его желаютъ единожды навсегда принять подданство Всероссійской Имперіи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо россійскими подданными, не отрекаясь ни отъ какихъ законовъ и повелѣній, сколько силы того царства повелѣвать будутъ, съ признаніемъ всероссійскаго императора за своего природнаго государя и самодержца.

2) „Всеподаннѣйше проситъ, чтобы при врученіи царства его былъ онъ оставленъ, а по немъ и наслѣдники его на престолѣ съ титуломъ царей, добровольно себя и царство подданству Всероссійской Имперіи предавшихъ, и имѣть имъ, царямъ, главное въ своемъ царствѣ правленіе по тѣмъ законамъ, кои отъ всероссійскаго двора даны быть имѣютъ. Отъ себя же имъ, царямъ, безъ особаго повелѣнія никакихъ узаконеній не вводить.

3) „Для наивящшаго и дѣйствительнаго себя узаконенія и приверженности къ подданству е. в. царь проситъ, въ доказатель-

ство вѣрности своей, всемилостивѣйше опредѣлить ему жалованіе и содержаніе и пожаловать въ Россіи деревни. Доходы же царства е. в. царь, какъ подданный, предоставляетъ въ полную власть государя императора обратить куда его величеству благоугодно на содержаніе войскъ и на другія тамошнія надобности для первыхъ временъ, какъ-то: къ обращенію тамошнихъ земледѣльцевъ въ вящшую любовь и приверженность своему государю императору всемилостивейше дать, на сколько лѣтъ благоугодно будетъ, льготу въ податяхъ".

Въ слѣдующихъ пунктахъ говорится: сколько (6,000) на первое время нужно содержать въ Карталиніи-Кахетіи русскихъ войскъ (п. 4); о занятіи крѣпостей и укрѣпленій этими войсками и о назначеніи комендантовъ крѣпостей изъ грузинъ (п. 5); о посылкѣ изъ Россіи людей, знающихъ фортификацію, и о постройкѣ ими новыхъ крѣпостей (п. 6); о приглашеніи грузинъ въ милицію на службу, сохраняя для нихъ народное ихъ одѣяніе (п. 7); о присылкѣ людей, знающихъ горное дѣло, для разработки находящихся въ царствѣ разныхъ рудъ— серебряныхъ, золотыхъ и прочихъ металловъ (п. 8); о предоставленіи царю права

«дѣлать по нынѣшнему образцу золотую, серебряную и мѣдную монету съ изображеніемъ знаковъ: на одной сторонѣ—вензеля императорскаго съ надписью россійскою, а на другой—герба грузинскаго царства съ надписью грузинскою, изъ тѣхъ самыхъ, кои въ царствѣ получены будутъ, и изъ покупаемыхъ, привозимыхъ металловъ» (п. 9); о покупкѣ продовольствія для войска по рыночной цѣнѣ (п. 10); объ охранѣ предѣловъ царства русскаго отъ непріятелей (п. 11); о разрѣшеніи царю, въ случаѣ нужды, оказывать помощь преданнымъ и покорнымъ Карталиніи-Кахетіи ханамъ, хотя грузинскимъ войскомъ (п. 12); о вѣроятности искательства со стороны другихъ кавказскихъ владѣльцевъ русскаго покровительства (п. 13); о предупрежденіи Турціи и Ахалцыха—не пропускать въ Карталинію-Кахетію лезгинъ (п. 14); о распространеніи всѣхъ правъ и законовъ русскихъ подданныхъ какъ на дворянство, духовенство и купечество, такъ и прочій ремесленный классъ карталино-кахетинскаго народа, словомъ, на всѣхъ подданныхъ царя (п. 15); и, наконецъ, о невозможности точно сообщить число жителей Карталиніи-Кахетіи, такъ какъ нѣтъ переписей (п. 16).

«Нынѣ мы, будучи отдалены отъ царства нашего»,—такъ заключаются пункты карталино-кахетинскихъ уполномоченныхъ,—«о всѣхъ прочихъ малозначущихъ вещахъ припомнить не можемъ» (14).

19 ноября 1800 г. императоръ Павелъ «по всѣмъ пунктамъ» аппробовалъ ноту карталино-кахетинскихъ уполномоченныхъ (15), и 26 числа того же мѣсяца князья Георгій Авалишвили и Эліазаръ Палавандишвили уже выѣхали изъ Петербурга, везя съ собой рескриптъ императора объ аппробаціи просительныхъ пунктовъ и самые пункты, подписанные первоприсутствующимъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ гр. Растопчинымъ. Уполномоченные должны были доставить пункты царю для подписи и потомъ снова ѣхать въ Петербургъ для окончательнаго ихъ заключенія. Въ письмѣ къ царю Георгію Ростопчинъ просилъ его разсмотрѣть содержаніе условій, на которыхъ Карталинія-Кахетія вступаетъ въ подданство Россіи, и, въ случаѣ согласія, утвердивъ ихъ своею подписью, возвратить въ Петербургъ съ тѣми же уполномоченными, вмѣстѣ съ благодарственной грамотой. Растопчинъ писалъ, что съ возвращеніемъ въ Петербургъ карталино-кахетинскихъ уполно-

моченныхъ, которыхъ царь долженъ былъ наименовать, какъ отъ себя, такъ и отъ всего царства своего „послами", заключенъ будетъ «по всѣмъ онымъ прошеніямъ царя Георгія обоюдный императорскій актъ». Но актъ этотъ такъ и не былъ заключенъ, потому что уполномоченные уже не застали въ живыхъ царя Георгія Иракліевича, со смертью котораго въ Карталиніи-Кахетіи не было органовъ, имѣвшихъ право заключать договоры отъ лица народа; Георгій XII былъ послѣднимъ карталино-кахетинскимъ царемъ. Онъ скончался 28 декабря 1800 года, а его уполномоченные прибыли въ Тифлисъ 8 января 1801 г. Предъ смертью царь съ сильнымъ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія своихъ уполномоченныхъ и замѣтно безпокоился, что оставляетъ дѣло неоконченнымъ: онъ поминутно спрашивалъ, скоро ли будетъ кн. Чавчавадзе, и на утѣшенія окружающихъ,—что тотъ долженъ быть скоро, отвѣчалъ: «тогда я умру спокойно». Царь не могъ смотрѣть въ глаза царевичу Давиду, съ приходомъ котораго въ спальню оборачивался къ стѣнѣ или притворялся спящимъ; когда же царица Дареджана его навѣстила, больной, поцѣловавъ ея руку, сказалъ, что онъ предъ нею виноватъ [16].

Карталино-кахетинскіе уполномоченные съ аппробованными просительными пунктами, какъ выше было сказано, выѣхали изъ Петербурга 26 ноября и еще были въ дорогѣ, когда 17 декабря въ государственномъ совѣтѣ разсматривался вопросъ о присоединеніи карталино-кахетинскаго царства и было рѣшено его немедленное присоединеніе. Уже 18 декабря, еще при жизни царя, былъ составленъ въ Петербургѣ и тайно препровожденъ, въ подлинникѣ, къ Кноррингу тотъ манифестъ объ уничтоженіи самостоятельнаго существованія карталино-кахетинскаго царства, который былъ объявленъ въ Петербургѣ во всенародное свѣдѣніе только послѣ полученія извѣстія о смерти Георгія. Получивъ этотъ манифестъ на другой день послѣ смерти царя, Кноррингъ не рѣшился его обнародовать, находясь въ недоумѣніи: ему сообщалось, что карталино-кахетинское дѣло скоро будетъ окончено, что уполномоченные уже выѣхали въ Тифлисъ, откуда они скоро вернутся въ Петербургъ для довершенія дѣла, и приказывалось обнародовать присылаемый манифестъ только послѣ смерти царя Георгія,—никакихъ инструкцій на случай смерти царя до пріѣзда уполномоченныхъ Кноррингу не да-

валось. Въ рапортѣ отъ 5 января 1801 г. Кноррингъ доносилъ, что не рѣшился обнародовать полученный имъ манифестъ, «вѣдая, что дѣло оное конца своего, сообразно предположеніямъ, не воспріяло, что народъ грузинскій не предваренъ о рѣшительномъ соизволеніи императора принять его подъ законы Имперіи Всероссійской и что, кромѣ того, какъ явно изъ обстоятельствъ, о намѣреніи покойнаго царя никто изъ братьевъ его, даже царевичъ Давидъ, не вѣдали“ [17]). Когда этотъ рапортъ долженъ былъ быть уже полученъ въ Петербургѣ, 22 января въ С.-П. Вѣдомостяхъ было сдѣлано публикѣ отъ двора объявленіе, что «послѣ кончины послѣдне-царствующаго царя грузинскаго Георгія Ираклієвича, царевичи—братья и дѣти его—полагая каждый себѣ право быть преемникомъ царства и не могши согласиться въ выборѣ одного, увидѣли, что таковое ихъ положеніе должно непремѣнно возродить междуусобіе промежъ ихъ, которое раззореніемъ всего царства содѣлаетъ и каждаго изъ нихъ несчастіе, къ предупрежденію сего прибѣгли всѣ они съ просьбой къ императору, согласно съ желаніемъ всего народа грузинскаго и волею покойнаго царя Георгія Ираклієвича, чтобы импера-

торъ согласился принять вь поддапство свое какъ ихъ самихъ, такъ и все царство, дабы оно могло пользоваться тѣмъ же счастіемъ» и т. д. Царевичи, между тѣмъ, старались достигнуть скорѣйшаго назначенія царя изъ ихъ рода, прибѣгая ко всѣмъ законнымъ и незаконнымъ мѣрамъ для осуществленія своего желанія, при чемъ царскіе братья признавали законнымъ наслѣдникомъ Юлона Ираклієвича, а царскіе дѣти —Давида Георгієвича. Въ самый день смерти царя Георгія ген. Лазаревъ, въ присутствіи царевичей, духовенства, князей и дворянъ, объявилъ волю императора, чтобы, по кончинѣ царя, никто преемникомъ царства избранъ не былъ, до полученія изъ Петербурга особаго повелѣнія *). Царство оставалось безъ правленія, народъ недоумѣвалъ,

---

*) Еще до аппробаціи карталино-кахетинскихъ пунктовъ, 15 ноября 1800 г. императоръ писалъ Кноррингу: „ослабленіе здоровья царева даетъ поводъ ожидать его кончины, почему и отправьте, коль скоро она послѣдуетъ, немедленно туда объявленіе отъ имени нашего, чтобъ, до полученія отъ насъ соизволенія, даже не было приступаемо къ назначенію преемника на царство“. (См. Буткова, т. II, стр. 462).

войсковому начальнику нужно было принимать чрезвычайныя мѣры предосторожности, пошли угрозы и аресты, при чемъ первымъ былъ арестованъ глава національной партіи кн. Соломонъ Леонидзе. «Хотя находившихся въ Грузіи четырехъ батальоновъ пѣхоты достаточно было на первый разъ для удержанія народа въ предѣлахъ повиновенія, а родъ царскій въ прежнемъ его положеніи»,—говоритъ г. Бутковъ,—„но ген. Кноррингъ, еще въ декабрѣ разсѣявъ въ Грузіи слухъ о присылкѣ въ Грузію новыхъ войскъ, въ январѣ, среди глубокой зимы, поспѣшилъ отправить въ Грузію одинъ батальонъ каквазскаго гренадерскаго полка. Скоро были посланы еще одинъ батальонъ и два полка“. Ген. Лазаревъ, не имѣя никакихъ на этотъ счетъ указаній, управленіе страной на время поручилъ смирнѣйшему изъ братьевъ, царевичу Іоанну Георгіевичу, при чемъ каждая бумага, исходящая отъ него, должна была быть за подписью генерала Лазарева.

14 января 1801 г., при торжественномъ собраніи членовъ царской фамиліи, дворянства и духовенства, только что вернувшіеся изъ Петербурга карталино-кахетинскіе уполномоченные, князья Авалишвили и Пала-

вандишвили вручили царевичу Давиду, какъ наслѣднику престола, бумаги, присланныя на имя покойнаго царя, и публично объявили волю императора, чтобы по смерти Георгія страной правилъ наслѣдникъ престола Давидъ. Принявъ управленіе отъ царевича Іоанна, Давидъ Георгіевичъ отправилъ въ Петербургъ, съ двумя благодарственными грамотами, отъ себя и отъ народа, тѣхъ же князей Палавандишвили и Авалишвили. Царевичъ Давидъ писалъ, что „принявъ желаніе императора съ достаточной признательностью и преклонивъ главу, повергаетъ навсегда себя и царство свое дадданству Имперіи *во всемъ согласно съ прошеніемъ родителя своего*". Императоръ Павелъ, сильно заботившійся о томъ, чтобы „явно было свѣту, что только Грузіи есть общій произволъ быть въ его подданствѣ, думалъ прежде депутатовъ заставить въ Петербургѣ принести присягу, а потомъ, по ихъ возвращеніи на родину, и весь карталино-кахетинскій народъ. Но депутаты уже не застали Павла въ живыхъ: готовясь къ торжественному пріему пословъ и даже заказавъ для себя по этому случаю далматинъ, чтобы принять ихъ въ одеждѣ древнихъ грузинскихъ царей, императоръ Па-

велъ въ Бозѣ почилъ 11 марта 1801 года. Между тѣмъ, еще при жизни Павла, указомъ 6 марта 1801 года, Карталинія-Кахетія была объявлена губерніей, и когда на престолъ вступилъ императоръ Александръ Павловичъ, карталино-кахетинское царство по всѣмъ государственнымъ актамъ было уже присоединено.

V.

Изложивъ въ общихъ чертахъ исторію присоединенія къ Имперіи карталино-кахетинскаго царства, которое, какъ выше уже было замѣчено, почти во вѣхъ документахъ ошибочно называется грузинскимъ, и переходя къ еще болѣе краткому изложенію исторіи вступленія въ составъ Россійской Имперіи другихъ частей Грузіи, я начну съ имеретинскаго царства.

Если Георгій XII былъ личностью бездарной, то того же далеко нельзя сказать о послѣднемъ имеретинскомъ царѣ Соломонѣ II Арчиловичѣ (1790—1810 г.). Обладая здравымъ разсудкомъ, царь былъ необыкновенно дѣятеленъ, умѣлъ понимать и цѣнить людей, былъ дальновиденъ и весьма дипломатиченъ [18]). Онъ былъ одаренъ той

способностью, которую г. Ад. Берже въ немъ называетъ „азіатской хитростью“, а въ другихъ «бисмаркизмомъ» и «макіавеллизмомъ»: онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Не дѣлая никакихъ послабленій, онъ однако пользовался народной любовью; не спуская ничего сосѣдямъ, онъ снискалъ ихъ уваженіе. Соломонъ любилъ власть и умѣлъ ею пользоваться, но, съ присоединеніемъ Карталиніи-Кахетіи къ Россіи, старанія царя Соломона сохранить самостоятельность Имеретіи были напрасны. Планы царя Соломона были весьма обширны: онъ думалъ о возвращеніи утраченныхъ царствомъ областей, о возстановленіи древней зависимости владѣтелей отъ имеретинскаго царя, объ объединеніи подъ своею властью всей западной Грузіи. Встрѣтивъ въ осуществленіи своихъ намѣреній сильное противодѣйствіе со стороны мингрельскаго Дадіани, Соломонъ вступилъ съ нимъ въ упорную борьбу и, беря крѣпость за крѣпостью, думалъ уже о «безпрепятственномъ покореніи себѣ всѣхъ Дадіановскихъ владѣній». Когда въ 1802 г. ген. Лазаревъ сдѣлалъ царю запросъ о причинахъ стяженія большихъ военныхъ силъ, царь Соломонъ отвѣчалъ, что „когда онъ, по законному наслѣдству, принялъ престолъ

предковъ своихъ, тогда же получилъ самовластье собирать и распускать войска царства своего и что онъ только по дружбѣ къ Лазареву говоритъ, что ополчается противъ непокорнаго додданнаго своего Дадіани". Въ эпоху присоединенія Карталиніи-Кахетіи къ Россіи царь былъ на высотѣ своей славы, побѣдоносное его оружіе приводило въ трепетъ сосѣднихъ владѣтелей. «Чтобы присоединить Имеретію»,— говоритъ Ад. Берже,—«пришлось прибѣгнуть къ дипломатіи, потому что царь все-таки имѣлъ войско и нѣкоторую силу и самостоятельность, а по своимъ связямъ съ Карталиніей-Кахетіей и съ сосѣдними турецкими пашами могъ возбудить смуты въ Закавказьи».

Хотя, ненавидя русскихъ, царь Соломонъ надѣялся, войдя въ сношенія съ Турціей и Баба-ханомъ, поддержать царевича Александра Ираклієвича, чтобы изгнать русскихъ даже изъ Карталиніи-Кахетіи, но, съ другой стороны, онъ отлично понималъ, что необходимо показывать притворное расположеніе къ Россіи и даже, если потребуется, добровольно поддаться ей, чтобы сохранить за собою и за своими потомками титулъ и преимущества царя.

Россія сама еще не рѣшалась открыто добиваться присоединенія Имеретіи къ Имперіи, чтобы не порвать добрыхъ отношеній съ Портой. Хотя Кноррингу и было предписано «обратить на коммуникацію, могущую быть съ Чернымъ моремъ, чрезъ Имеретію, по рѣкѣ Ріону или Фазу, и вообще стараться дознать скромнымъ образомъ положеніе земли сей и прочіе берега, съ сей стороны Чернаго моря», однако когда царица Дареджана, конечно неискренно, обѣщалась склонить царя Соломона признать русское верховенство, императоръ Александръ Павловичъ затруднился принять это предложеніе, противное Кайнарджійскому трактату. Но уже въ февралѣ 1803 года кн. Цицiановъ писалъ русскому министру при константинопольскомъ дворѣ Италинскому, что ему «высочайше для единственнаго свѣдѣнія пожалованъ планъ пріобрѣтенія Имеретіи съ княжествами Дадіановскимъ и Гуріеловскимъ, сносясь однако же предварительно съ Италинскимъ, т. к. сіе царство, хотя подъ слабымъ, но покровительствомъ Порты Оттоманской» [19]). О пріобрѣтеніи Мингреліи уже велись переговоры съ владѣтелемъ Григоріемъ Дадіани, желавшимъ путемъ признанія русскаго

верховенства выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ царемъ Соломономъ II и удержать за собою область Лечхумъ, бывшую яблокомъ раздора между царемъ и владѣтелемъ. Узнавъ о намѣреніи владѣтеля Григорія, царь Соломонъ увидѣлъ, что его дѣло проиграно, что со вступленіемъ владѣтеля Мингреліи подъ русскую защиту, его руки будутъ связаны; царь видѣлъ, что рано или поздно ему самому придется сдѣлаться зависимымъ отъ русскаго императора и предпочелъ это сдѣлать добровольно, чтобы предупредить Дадіани и чтобы въ трактатѣ признанія своей зависимости отъ Имперіи выговорить себѣ право на область Лечхумъ и на верховенство надъ владѣтелями. Составивъ въ этомъ духѣ «просительные пункты» [20]) и надѣясь, что излагаемыя въ нихъ выгодныя для него условія будутъ приняты императоромъ Александромъ Павловичемъ, царь Соломонъ отправилъ съ этими пунктами въ Петербургъ своего «вице-канцлера» кн. Соломона Леонидзе, которому царь болѣе всѣхъ довѣрялъ и который былъ лучшимъ его совѣтникомъ. Будучи увѣренъ, что кн. Леонидзе устроитъ дѣла въ Петербургѣ, царь Соломонъ тѣмъ временемъ продолжалъ борьбу съ Дадіани, все болѣе и

более тѣсня его; а чтобы владѣтель не имѣлъ возможности сноситься съ кн. Миціановымъ, владѣтельскіе послы, по приказанію царя Соломона, перехватывались, а одинъ изъ нихъ былъ даже умерщвленъ. Даже когда Дадіани предался Россіи, Соломонъ не прекращалъ своихъ противъ него дѣйствій и, обступивъ крѣпость Табакона, взялъ ее. Говорили, что царь Соломонъ, на всякій случай, ведетъ переговоры съ Портой. Когда обо всемъ этомъ было донесено кн. Циціановымъ въ Петербургъ, посолъ царя кн. Леонидзе не былъ удостоенъ аудіенціи и былъ отпущенъ императоромъ назадъ безъ отвѣта, князю же Циціанову было предписано наказать царя Соломона. «Всемилостивѣйшій государь»—писалъ кн. Циціановъ сердарю кн. Кайхосро Папуновичу Церетели,—«приказать соизволилъ мнѣ для удержанія достоянія Богомъ вознесенной россійской державы, буде е. в. царь Соломонъ, раскаясь въ своемъ поступкѣ, не покорится и не взыщетъ покровительства и подданства всероссійскаго, военною рукою сокрушить враговъ кн. Дадіани, хотя бы съ тѣмъ, чтобы не осталось камня на камнѣ въ Имеретіи» [21]). Покончивъ съ Ганджей, взятіемъ которой онъ тогда былъ занятъ, кн. Ци-

ціановъ двинулъ къ границамъ Имеретіи кавказскій гренадерскій полкъ. Имеретинское царство пришло въ сильное смятеніе. Въ письмѣ кн. Циціанову имеретинскіе архіереи, князья и дворяне отъ имени всего народа просили кн. Циціанова не идти на пролитіе христіанской крови. Начались переговоры, веденные письменно и устно. Отъ царя Соломона прибыли послами въ Тифлисъ кн. Кайхосро Церетели и Сехнія Цулукидзе, которые, поздравивъ кн. Циціанова со взятіемъ Ганджи, изъявили готовность царя признать русское верховенство, съ условіемъ однако, чтобы за нимъ была оставлена область Лечхумъ. Когда же Циціановъ отказался отъ признанія этого условія, объясняя, что область эта по договору съ Мингреліей уже признана за Дадіани и что потому она не можетъ быть теперь признана за царемъ, послы просили отправить въ Имеретію русскаго уполномоченнаго для личныхъ переговоровъ съ царемъ Соломономъ. Составивъ „просительные пункты“, которые царь, въ случаѣ соглашенія, долженъ былъ принять, кн. Циціановъ отправилъ съ ними въ Кутаисъ камергера гр. Воронцова, который съ окончательнымъ отвѣтомъ долженъ былъ вер-

нуться черезъ двѣ недѣли—къ 24 марта. Однако соглашеніе между царемъ и русскимъ уполномоченнымъ не могло состояться, т. к. царь Соломонъ доказывалъ свои права на Лечхумъ. Тогда кн. Цицiановъ,—воспользуюсь его же словами,— „нужнымъ счелъ передъ вступленіемъ въ Имеретію отправить туда авангардъ изъ золота и серебра, для прельщенія, считая, что можетъ быть симъ средствомъ дружелюбно можно будетъ вступить въ оную“ [22]). Одновременно съ этимъ, кн. Леонидзе, бывшій тогда проѣздомъ изъ Петербурга въ Тифлисъ, получилъ отъ кн. Цицiанова ноту, въ которой главнокомандующій указывалъ, что для царя Соломона, для избѣжанія имъ гибели, нѣтъ другого пути, какъ тотъ, чтобы бсзусловно согласиться на дѣлаемыя ему предложенія. Цицiановъ приглашалъ царя Соломона выѣхать на границу съ нѣсколькими князьями для свиданя съ нимъ и для окончательнаго заключенія условій. Между тѣмъ русскій „авангардъ изъ золота и серебра“ уже успѣшно дѣйствовалъ при дворѣ царя Соломона, гдѣ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ былъ сахлтъухуцесъ кн. Зурабъ Церетели.

19 апрѣля 1804 г., при урочищѣ Елаз-

наури, произошло свиданіе между ц. Соломономъ и кн. Цициановымъ, страстно желавшимъ присоединенія Имеретіи. Относительно всѣхъ другихъ пунктовъ обѣ стороны были согласны,—только вопросъ о Лечхумской области вызвалъ несогласія: кн. Цициановъ не могъ согласиться съ царемъ, утверждавшимъ, что Лечхумъ его, царя, наслѣдственная область. Соломонъ не уступалъ, и конференція не имѣла никакого успѣха. Чтобы принудить царя къ соглашенію, кн. Цициановъ велѣлъ перейти въ наступленіе, и на слѣдующій день, 20 апрѣля, подполковникъ Эристовъ съ ротой егерей занялъ ближайшую имеретинскую деревню, крестьяне которой присягнули на вѣрность Россіи. Царь возобновилъ переговоры, которые закончились 25 апрѣля новымъ свиданіемъ царя Соломона съ кн. Цициановымъ. Это свиданіе было окончательнымъ: „просительные пункты" были подписаны, присяга была принята, и кн. Цициановъ возложилъ на царя орденъ св. Александра Невскаго съ украшенными алмазами звѣздою и орденскимъ знакомъ. Условія признанія русскаго верховенства изложены въ слѣдующихъ „просительныхъ пунктахъ" [23]):

1) «Я Соломонъ изъ рода Багратіоновъ, царь всей Имеретіи и законный царства имеретинскаго владѣтель, отъ дня подписи сего акта, по совершеніи клятвеннаго обѣщанія по обряду, предаю себя въ вѣчное и вѣрное рабство и подданство... Самодержцу всея Россіи и высокимъ Его преемникамъ.

2) «Да Благостью Е. И. В., всемилостивѣйшаго моего государя и повелителя, предоставлено будетъ мнѣ и дѣтямъ моимъ, а буде Богу не угодно будетъ благословить домъ мой мужскаго пола потомствомъ, то по мнѣ царевичу Константину Давидовичу и его потомству, по старшинству колѣна, пользоваться правами и преимуществами царя имеретинскаго со всѣми обязанностями вѣрноподданнаго раба всероссійскаго Государя Императора, яко верховнаго моего и преемниковъ моихъ великаго государя и повелителя, на каковое достоинство да буду я осчастливленъ высочайшею Е. И. В. грамотою такъ, какъ и преемники мои при всякомъ новомъ вступленіи на царскій престолъ да будутъ утверждены подобными высочайшими грамотами съ упоминаніемъ о зависимости Гуріи отъ Имеретіи.

3) „Да милосердіемъ Е. И. В., всемилостивѣйшаго моего государя и повелителя,

предоставлены будутъ мнѣ и преемникамъ моимъ судъ и расправа въ царствѣ моемъ и во всероссійскомъ подданствѣ находящемся. А какъ главноуправляющимъ и кавалеромъ кн. Циціановымъ объвлено мнѣ было, что во всероссійскомъ подданствѣ смертная казнь и лишеніе чиновъ не могутъ быть терпимы, то да снабженъ я буду по повелѣнію Е. И. В., всемилостивѣйшаго моего государя и повелителя, законами, коими бы указаны были наказанія за человѣкоубійство, за плѣннопродавство, за воровство и разбои. До изданія же сихъ высочайшихъ законовъ да позволено будетъ продолжать наказанія по прежнему для обузданія злодѣяній, могущихъ умножиться по необычности народной къ кроткому управленію".

Въ слѣдующихъ пунктахъ говорится: объ охранѣ предѣловъ царства русскими отъ непріятелей и о назначеніи нѣкоторой части русскаго войска на вѣчное пребываніе для защиты отъ внѣшнихъ враговъ и супостатовъ и для водворенія тишины и спокойствія посреди самаго царства (п. 4); о предоставленіи царю нѣкоторой части доходовъ, въ случаѣ отысканія и разрабатыванія въ царствѣ золотыхъ, серебряныхъ

и иныхъ какихъ рудъ (п. 5); о предоставленіи царю нѣкоторой части доходовъ и въ случаѣ возведенія въ царствѣ какого либо новаго города (п. 6); о повиновеніи царя властямъ, отъ императора поставленнымъ, какъ-то главноуправляющему Грузіею (п. 7); о построеніи царемъ домовъ для русскихъ войскъ, назначенныхъ квартировать въ царствѣ и о доставленіи имъ черезъ своихъ подданныхъ дровъ для отопленія (п. 8); о поставкѣ этимъ войскамъ за умѣренныя цѣны пшеницы и гоми или сарачинскаго пшена, также ячменя и сѣна или мякины (п. 9); о доставкѣ царемъ, въ случаѣ отысканія и разрабатыванія рудъ россійскими художниками, потребнаго числа работниковъ за цѣну, отъ горнаго начальства опредѣляемую (п. 10); о безплатной уступкѣ царемъ годнаго на корабельное строеніе для Черноморскаго флота лѣса (п. 11); о возвращеніи царемъ мингрельскому владѣтелю Лечхумской области и объ отказѣ съ его стороны отъ всякихъ претензій на владѣнія кн. Дадіани (п. 12); о содержаніи царемъ въ исправности дороги отъ грузинской границы къ Кутаису, оттуда къ Одиши и Поти, и о ручательствѣ съ его стороны за цѣлость и невредимость проѣзжающихъ по ней транс-

портовъ и людей (п. 13); о предоставленіи наслѣднику престола царевичу Константину его удѣла, подъ именемъ Сабатонишвило, въ не посредственное управленіе на содержаніе его (п. 14); о предупрежденіи какихъ либо для царя непріятностей со стороны сторонниковъ царевича Константина (п. 15); объ отказѣ со стороны царя отъ ввозныхъ, транзитныхъ и вывозныхъ пошлинъ съ русскихъ товаровъ и о предоставленіи царю, вознагражденіе убытковъ, нѣкоторой части изъ таможенныхъ русскихъ доходовъ (п. 16); о запрещеніи перехода на поселеніе изъ Имеретіи въ Карталинію-Кахетію—безъ вѣдома и воли царя и изъ Карталиніи-Кахетіи—безъ воли главноуправляющаго Грузіею (п. 17).

Кромѣ того, на этомъ окончательномъ свиданіи кн. Циціановъ возвратилъ царю Соломону съ отвѣтами тѣ «запросные пункты», которые тотъ ему прислалъ 22 апрѣля и которые служили разъясненіемъ „просительныхъ пунктовъ“ [24]. Приведу два болѣе существенные пункта:

Запр. 2) Какъ я былъ самовластенъ въ землѣ моей, такъ да буду и впредь самовластенъ, и могъ бы вѣрныхъ къ намъ награждать и невѣрныхъ наказывать; и

какъ мы вошли въ россійское подданство, то войска, имѣющія быть въ землѣ нашей, съ противниками и ослушниками нашими поступали бы такъ, какъ съ противниками Россіи, по нашему приказанію. О семъ да будетъ имъ отъ Васъ приказано.

Отв. 2) «Ничего не имѣю сказать, потому что въ статьяхъ ясно изъяснено, что права и преимущества е. в. остаются всѣ въ прежней своей силѣ, и что войско вводится для защиты отъ внѣшнихъ враговъ и для возстановленія тишины и спокойствія посреди самаго имеретинскаго царства; слѣд., всѣ и каждый, устремляющіеся на нарушеніе онаго, предоставляются къ наказанію власти е. в., что и въ статьяхъ изъяснено.

Запр. 4) «Гурія принадлежитъ намъ, и о ней ничего намъ не приказывать.

Отв. 4) «О Гуріи будетъ присоединено къ статьямъ, е. в. предложеннымъ.

4 іюля 1804 г. послѣдовалъ на имя царя Соломона Высочайшій рескриптъ [25]), въ которомъ императоръ извѣщалъ царя о принятіи его подъ свою державу и объ утвержденіи во всей силѣ просительныхъ

его пунктовъ, которые въ оригиналѣ и были пріобщены къ рескрипту.

Имеретинское царство было присоединено къ Имперіи.

VI.

Мингрелія еще раньше Имеретіи вошла въ составъ Россійской Имперіи, хотя и сохранила автономію дольше почти всѣхъ частей Грузіи.

Первымъ изъ владѣтелей, поддавшійся русскому императору—владѣтель Мингреліи Григорій Кацієвичъ Дадіани (1789—1804 г.), былъ связанъ родственными узами съ карталино-кахетинскимъ и имеретинскимъ царскими домами: племянникъ царицы Дареджаны, сынъ ея брата, женатый на дочери царя Георгія XII Нинѣ, владѣтель Григорій приходился шуриномъ царю Соломону II. Противъ воли матери и мингрельскаго духовенства выдавъ сестру за абхазскаго владѣтеля Сеферъ-бея Шарвашидзе, хотя и принявшаго тайно православіе, но, изъ угожденія Портѣ, не рѣшавшагося открыто отречься отъ ислама, вдадѣтель Григорій возстановилъ противъ себя мать и духовенство. Видя непопулярность юнаго владѣтеля, который, вступивъ на владѣтельскій пре-

столъ 18 лѣтъ, вполнѣ предался увеселеніямъ и разгулу, царь Соломонъ началъ на его счетъ расширять свои владѣнія, и, возбудивъ несогласія между владѣтелемъ и его братьями, началъ у него оспаривать область Лечхумъ. Григорій твердо стоялъ за свои права, но не ему было вести борьбу съ Соломономъ. Мингрельскіе князья, не любившіе владѣтеля Григорія, находились въ сношеніяхъ съ царемъ. Борьба была успѣшна для Соломона, и Григорій, вынужденный бросить свою резиденцію, видѣлъ, что всѣ его старанія напрасны, что царь выйдетъ побѣдителемъ. Находясь въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, владѣтель Григорій Каціевичъ рѣшилъ искать русскаго покровительства.

Еще въ январѣ 1802 г. Кноррингу былъ высланъ орденъ Алексаядра Невскаго для доставленія его владѣтелю Григорію, но Кноррингъ не счелъ возможнымъ этого исполнить, донося въ письмѣ кн. Циціанову, что «Мингрелія есть коренная область Имеретіи, что Григорій за нѣкоторое противъ царя покушеніе изгнанъ изъ своего владѣнія». Узнавъ о пожалованіи ордена и требуя его скорѣйшаго доставленія, Григорій Каціевичъ въ іюнѣ 1802 г. сообщилъ Кнор-

рингу о своемъ намѣреніи «какъ себя, такъ и свое владѣніе пожертвовать на всегдашнюю службу и вѣрность императора» [26]). «Я желаніе имѣю войти подъ покровительство государя, дабы избавиться отъ рукъ сильнаго царя Соломона, а ежели въ семъ моемъ намѣреніи ни въ чемъ не пособите, то дайте мнѣ волю, чтобъ я съ моимъ имѣніемъ и семьею вошелъ въ подданство и протекцію Порты Оттоманской», — писалъ Дадіани Соколову въ декабрѣ 1802 г. [27]). Получивъ въ маѣ 1803 г. повелѣніе вести переговоры съ Григоріемъ Дадіани, кн. Циціановъ отправилъ въ Мингрелію дворянина Давида Мамацашвили съ письмомъ къ владѣтелю и съ порученіемъ заключить съ нимъ предварительныя условія. Переговоры объ этихъ условіяхъ продолжались между владѣтелемъ и кн. Циціановымъ до конца года и касались разныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ «просительными пунктами» Дадіани [28]). Наконецъ, 4 декабря 1803 г. владѣтель Григорій Каціевичъ Дадіани подписалъ окончательный текстъ «просительныхъ пунктовъ», присягнулъ по нимъ на вѣрность Имперіи и получилъ орденъ Александра Невскаго, который, нужно замѣтить, игралъ немаловажную роль въ исто-

ріи присоединенія Мингреліи. Всѣхъ мингрельскихъ «просительныхъ пунктовъ» насчитывается 13; изъ нихъ 11 первыхъ сходны съ 11-ю первыми имеретинскими пунктами, въ 12-мъ говорится объ отказѣ со стороны владѣтеля отъ таможенныхъ доходовъ, въ случаѣ устройства въ его владѣніяхъ порта, и о невзиманіи имъ никакихъ пошлинъ съ проѣзжающихъ купцовъ; въ 13-омъ же—владѣтель проситъ, чтобы онъ «въ знакъ своего начальства и сердарства во владѣніяхъ своихъ, былъ удостоенъ отличіями, оное означающими по азіатскому обычаю и состоящими въ мечѣ и знамени» [29]).

4-го іюля дана была на имя владѣтеля Мингреліи высочайшая грамота, подтверждающая права и преимущества владѣтеля, выраженныя въ его „просительныхъ пунктахъ", и обѣщающая ему верховное покровительство Имперіи [30]), а 24 октября владѣтель Григорій Каціевичъ скончался. Извѣщенный о смерти владѣтеля, императоръ Александръ Павловичъ призналъ кн. Левана, старшаго сына умершаго Григорія Дадіани, владѣтельнымъ княземъ Мингреліи «на томъ самомъ положеніи, на какомъ отецъ его вступилъ въ вѣрноподданническія

къ Имперіи обязательства» [31]); на время же его малолѣтства владѣтельницею назначалась мать его Нина Георгіевна. Но кн. Леванъ, еще во время борьбы между царемъ Соломономъ и владѣтелемъ Григоріемъ, былъ отданъ аманатомъ Келеш-бею абхазскому, который теперь, не смотря на требованія русскаго правительства, не думалъ его отпускать. Пришлось дѣйствовать силой, и кн. Леванъ съ другими мингрельскими аманатами были освобождены только тогда, когда ген. Рикгофъ взялъ Анаклію. Кн. Леванъ былъ объявленъ владѣтелемъ, и 9 іюля 1805 г. состоялось врученіе ему грамоты, знамени ордена и сабли. Присяга народомъ была принесена на имя императора и владѣтеля. Въ этотъ же день присягнули Россіи самурдзаканскіе владѣтели Шарвашидзе, еще раньше подписавшіе „просительные пункты“ владѣтеля. «Мы рабы, какъ всемилостивѣйшаго государя, такъ и самодержца Мингреліи Левана Дадіани“, читаемъ мы въ „присягѣ“ самурдзаканскихъ владѣтелей [32]). Мингрелія съ Самурдзаканомъ была присоединена, и кн. Леванъ Григоріевичъ Дадіани (1804—1846 г.) вступилъ на владѣтельскій престолъ, какъ вассалъ русскаго императора.

По договору съ царемъ Соломономъ II Гурія была признана имеретинскою провинціею, но русское правительство, желая ослабить царя Соломона, начало черезъ дядю владѣтеля Гуріи Зураба Церетели склонять владѣтеля Мамію Гуріели добиваться независимости отъ Имеретіи [33]). Наконецъ, въ маѣ 1810 г., уже послѣ сверженія съ престола царя Соломона, владѣтель Мамія заякилъ о своемъ желаніи войти подъ непосредственное покровительство русскаго императора, а скоро затѣмъ представилъ на утвержденіе свои «просительные пункты», которые представляютъ копію съ „просительныхъ пунктовъ“ владѣтеля Дадіани, за исключеніемъ 12-го пункта, который предоставляетъ владѣтелю, въ случаѣ устройства въ его владѣніяхъ порта, пользоваться $^1/_4$ таможенныхъ доходовъ [34]). Эти „просительные пункты“ были утверждены безъ измѣненій, и владѣтель Мамія Гуріели былъ пожалованъ, въ знакъ утвержденія во власти, саблей и знаменемъ, которыя онъ и получилъ при слѣдующей высочайшей грамотѣ: „...Удовлетворяя желанію вашему вступить въ вѣчное подданство Россійской Имперіи и не сомнѣваясь въ преданности вашей..., изображенной въ «просительныхъ

пунктахъ вашихъ, на имя Наше присланныхъ, утверждаемъ Мы васъ и признаемъ наслѣдственнымъ княземъ Гуріельскаго владѣнія, подъ верховнымъ покровительствомъ, державой и защитой Россійской Имперіи... За благо пріемля всѣ статьи, вами подписанныя и въ копіи съ россійскимъ переводомъ отъ слова до слова къ сей нашей жалованной грамотѣ прилагаемыя, утверждаемъ оныя Императорскимъ Нашимъ словомъ за Насъ и высокихъ преемниковъ Нашихъ во всей силѣ на вѣчныя времена ненарушимо» [35]).

Со смертью Келеш-бея Шарвашидзе абхазскаго, умерщвленнаго младшимъ сыномъ Асланъ-бекомъ, думавшимъ захватить власть, старшій сынъ Келеш-бея Сефер-бей, принявшій тайно православіе и нареченный Георгіемъ, по совѣту княгини Нины Георгіевны Дадіани, черезъ которую дипломатично въ этомъ дѣлѣ дѣйствовало русское правительство, просилъ себѣ поддержки русскихъ, изъявляя готовность признать власть императора по слѣдующимъ „просительнымъ пунктамъ“ [36]):

„Всеавгустѣйшему и всемилостивѣйшему монарху нашему всеподданнѣйшее прошеніе и преданіе себя съ владѣніемъ моимъ

чрезъ сіе мое письмо,—слѣдующимъ образомъ:

1) „Я, законый наслѣдникъ и владѣтель Абхазіи, по совѣсти моей обязываюсь и вступаю въ подданство и службу, какъ наслѣдственный подданный всемилостивѣйшаго Самодержца всея Россіи и прочихъ Императора Александра Павловича“.

Въ слѣдующихъ пунктахъ говорится: о преданіи владѣтелемъ вмѣстѣ съ собою Абхазіи и всего находящагося въ Абхазіи въ наслѣдственное подданство и рабство престола всероссійскаго (п. 2); объ ознаменованіи владѣтеля знакомъ, какъ прочіе князья, подданные императорскаго престола ознаменованы (п. 3); о пожалованіи владѣтелю грамоты, утверждающей его наслѣдство, дабы онъ былъ начальникомъ и управляющимъ владѣніемъ своимъ, и также сынъ его и внуки его вѣчно и ненарушимо отъ начальства и владѣнія наслѣдственнымъ своимъ владѣніемъ не оставлялись (п. 4); объ огражденіи владѣнія Шарвашидзе войсками императора (п. 5); о нелишеніи владѣтеля тѣхъ выгодъ и милостей, которыя имѣлъ наслѣдственный владѣтель абхазскій Келеш-Ахмед-бекъ, получавшій ежегодное жалованіе отъ Порты Оттоманской (п. 6); о

желанiи владѣтеля до капли крови быть вѣрнымъ подданнымъ, о его покорности главноуправляющему Грузiей и объ уступкѣ съ его стороны лѣса, какъ получала прежде Порта Оттоманская, равно и заводовъ золотыхъ и серебряныхъ, съ удѣленiемъ однако владѣтелю нѣкоторой части (п. 7).

Эти «просительные пункты» были утверждены, какъ и всѣ другiе, императорской жалованной грамотой. 9 августа 1810 года княгиня Нина Георгiевна Дадiани была извѣщена ген. Тормасовымъ, что «ходатайство ея свѣтлости въ пользу своего зятя абхазскаго Сефер-бея, нареченнаго при святомъ крещенiи Георгiемъ, въ полной мѣрѣ уважено Е. И. В., и что, во-первыхъ, онъ съ домомъ своимъ и абхазскою землею признанъ отъ Россiйской державы владѣльцемъ, подданнымъ Е. И. В., а во-вторыхъ, Сухумъ прiобрѣтенъ въ полное его владѣнiе [37]). Такъ какъ Сухумъ былъ столицею абхазскаго владѣнiя, то владѣтель Георгiй Шарвашидзе желалъ принять утвердительную грамоту и владѣтельскiе знаки только послѣ прiобрѣтенiя Сухума отъ Асланъ-бека, занявшаго его. Когда же, съ помощью русскихъ, войскъ это было сдѣлано, въ октябрѣ 1810 г. маiоръ Мойза съ подобаю-

щей торжественностью, при собраніи всѣхъ почетныхъ абхазскихъ старѣйшинъ и народа, поднесъ кн. Георгію Шарвашидзе высочайшую грамоту и владѣтельскіе знаки и принялъ отъ него публичную предъ народомъ присягу на вѣрность Имперіи. Абхазія вошла въ составъ Россійской Имперіи, и ея владѣтели сдѣлались зависимыми отъ русскаго императора.

„Царство грузинское, раздѣленное Александромъ, царемъ грузинскимъ, какъ видно, по опредѣленію правителя судебъ, Александромъ же, Императоромъ Всероссійскимъ, соединено паки воедино» писалъ въ 1804 г. кн. Циціановъ, донося о присоединеніи Имеретіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія всѣ лучшіе люди Грузіи отлично видѣли необходимость объединенія всѣхъ частей Грузіи, понимая, что причина ея слабости—въ разъединенности. То единодушіе, съ какимъ всѣ главнѣйшіе сановники имеретинскаго и карталино-кахетинскаго царствъ требовали предъ вступленіемъ на престолъ царя Соломона II-го, объединенія Имеретіи и Карталиніи-Кахетіи [38]), лучше всего свидѣтельствуетъ о силѣ этого сознанія. Но Грузія лишилась самостоятельности, не достигши объединенія, и какъ-бы для того, чтобъ объеди-

ниться. Намъ больно становится теперь, когда думаемъ, что повинуясь волѣ правителей, въ концѣ прошлаго столѣтія карталинцы, имеретины, мингрельцы, гурійцы,— эти родные братья,—ополчались другъ на друга. Установленіе русскаго господства отрезвило грузинъ: грузинская нація почустовала свое единство; общность интересовъ объединила всѣ ея части, и въ этомъ, безъ сомнѣнія, состояла свѣтлая сторона паденія грузинскихъ царствъ и владѣтельствъ—для грузинъ.

VII.

Для выясненія характера юридическихъ отношеній, возникшихъ между Грузіей и Россіей въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, мы должны разсмотрѣть тѣ договоры, по которымъ различныя части Грузіи вошли въ составъ Россійской Имперіи. Внѣшняя форма этихъ договоровъ опредѣляется самымъ характеромъ ихъ содержанія: переговоривъ объ условіяхъ и заручившись согласіемъ, Грузія просила русскаго сюзеренитета. Разъ самый предметъ договора,—вступленіе Грузіи въ составъ Имперіи,—являлся въ формѣ просьбы, понятное дѣло, что и условія этого всту-

пленія должны были быть выражены въ той же формѣ. Неестественно было бы *просить* о чемъ-нибудь и *требовать* выполненія извѣстныхъ условій при исполненіи этой просьбы. По этому, какъ рѣшеніе грузинскихъ царей и владѣтелей вступить со своей страной въ составъ Имперіи, такъ и ставимыя ими условія этого вступленія выражены въ *„просительныхъ пунктахъ."* Исполненіе условій присоединенія, выраженныхъ въ „просительныхъ пунктахъ"; дѣлалось обязательнымъ тѣмъ, что грузинскіе цари и владѣтели признавали дѣйствительнымъ пунктъ о признаніи своей зависимости только при условіи выполненія другихъ пунктовъ, и императоръ утверждалъ эти пункты «во всей ихъ силѣ».

Царь Георгій XII карталино-кахетинскій писалъ своимъ посламъ, уполномоченнымъ на заключеніе договора, что «если условія не будутъ приняты, тогда всякая зависимость будетъ устранена, кромѣ международныхъ сосѣдственныхъ сношеній, и первоприсутствующій русской коллегіи иностранныхъ дѣлъ гр. Растопчинъ извѣщалъ царя, что императоръ *«по всѣмъ пунктамъ»* соизволилъ аппробовать его ноту. Царь Соломонъ II имеретинскій долго не согла-

шался на измѣненія, сдѣланныя кн. Циціановымъ въ его «пунктахъ,» и не хотѣлъ ихъ подписать только потому, что не согласенъ былъ съ однимъ условіемъ, а именно, отреченіемъ отъ своихъ претензій на область Лечхумъ въ пользу Дадіани; когда же царь, вынужденный силой, согласился подписать эти пункты, императоръ Александръ Павловичъ извѣщалъ его объ «утвержденіи его просительныхъ пунктовъ *вовсей силѣ*». Владѣтель Григорій Каціевичъ Дадіани цѣлыхъ полгода велъ переговоры объ условіяхъ признанія верховной власти императора, а по подписаніи просительныхъ пунктовъ, подобно царю Соломону, былъ увѣдомленъ высочайшею грамотой объ «утвержденіи его просительныхъ пунктовъ *во всей силѣ*». Въ исполненіи условій владѣтель Григорій видѣлъ естественно необходимое слѣдствіе признанія русскаго верховенства: «*такъ какъ*» я призналъ русскую власть, „*то да*“ исполнено будетъ то-то и то-то,—вотъ форма предложенныхъ имъ первоначально просительныхъ пунктовъ.

По смерти Григорія, императоръ Александръ писалъ кн. Циціанову, что кн. Леванъ Григорьевичъ Дадіани «признается владѣтельнымъ княземъ Мингреліи *на томъ*

самомъ положеніи, на какомъ отецъ его вступилъ въ вѣрноподданническія къ Имперіи обязательства. Посылая инвеститурные знаки владѣтелю Маміи Гуріели, имп. Александръ писалъ ему: «за благо пріемля всѣ статьи, вами подписанныя и въ копіи съ россійскимъ переводомъ отъ слова до слова къ сей Нашей жалованной грамотѣ прилагаемыя, утверждаемъ оныя императорскимъ Нашимъ словомъ за Насъ и высокихъ преемниковъ Нашихъ *во всей силѣ* на вѣчныя времена ненарушимо». Просительные же пункты владѣтеля Георгія Шарвашидзе абхазскаго прямо начинались такъ: „всеавгустѣйшему и всемилостивѣйшему монарху нашему всеподданнѣйшее прошеніе и преданіе себя съ владѣніемъ моимъ чрезъ сіе мое письмо,—*слѣдующимъ образомъ*“: слѣдуютъ пункты о признаніи себя въ зависимости отъ Имперіи и объ условіяхъ этой зависимости. Пункты эти тоже *„въ полной мѣрѣ были уважены»*. Впрочемъ, какъ говоритъ проф. Ф. Мартенсъ, „для международныхъ договоровъ внѣшняя форма далеко не имѣетъ такой важности, какая приписывается ей въ частномъ обязательственномъ правѣ; и, дѣйствительно, международныя обязательства заключаются въ са-

мыхъ разнообразныхъ формахъ“ [39]). Въ какой бы формѣ ни былъ заключенъ договоръ, онъ обязателенъ для обѣихъ договаривающихся сторонъ: важна не форма, а сущность договора.

„Просительные пункты“, какъ международный договоръ, удовлетворяютъ всѣмъ основнымъ условіямъ юридической силы трактатовъ [40]):

1) Когда заключались «просительные пункты“, Грузія была независима.

По Кучукъ-Кайнарджійскому трактату Карталинія-Кахетія была признана ни отъ кого независимой, и потому она имѣла полное право какъ на заключеніе трактата 1783 г., такъ и на производство дальнѣйшихъ въ немъ измѣненій. Нѣсколько неопредѣленнѣе былъ смыслъ постановленій этого (т. е. Кучукъ-Кайнарджійскаго) трактата объ имеретинскомъ царствѣ, на которое Порта могла бы имѣть нѣкоторыя притязанія; но когда въ 1803 г. кн. Циціановъ сдѣлалъ чрезъ русскаго министра при Константинопольскомъ дворѣ Италинскаго запросъ, не будетъ ли Порта противъ присоединенія къ Россійской Имперіи «Имеретіи съ княжествами Дадіановскимъ и Гуріеловскимъ,“ Константинопольскій дворъ

не выказалъ никакого протеста и не думалъ доказывать своихъ правъ.

2) «Просительные пункты» были заключены лицами, имѣвшими на ихъ заключенiе юридическое право.

Карталино-Кахетинскiе пункты были составлены князьями Чавчавадзе, Палавандишвили и Авалишвили, уполномоченными царемъ Георгiемъ XII на ихъ составленiе, и аппробованы императоромъ Павломъ. Имеретинскiе, мингрельскiе, гурiйскiе и абхазскiе просительные пункты были заключены, съ одной стороны—самими владѣтелями, съ другой—главноуправляющимъ Карталинiей-Кахетiей, уполномоченнымъ на то императоромъ.

Договоры эти были заключены отъ имени верховной государственной власти, законными обладателями которой являлись, съ одной стороны—русскiй императоръ, съ другой—грузинскiе цари и владѣтели, каждый изъ которыхъ былъ юридически неограниченъ въ своихъ владѣнiяхъ.

3) «Просительные пункты» были ратификованы компетентной государственной властью: они подписывались царемъ или владѣтелемъ и утверждались императоромъ. Вообще, заключенiе «просительныхъ пунк-

товъ» происходило не безъ торжественности. Царь или владѣтель представлялъ „просительные пункты“, которые послѣ аппробаціи ихъ со стороны русскаго правительства онъ и подписывалъ въ торжественномъ собраніи дворянства и духовенства. Подлинные «просительные пункты» доставлялись императору, который возвращалъ ихъ „въ оригиналѣ“ или „копіи съ россійскимъ переводомъ отъ слова до слова“, съ грамотой на имя владѣтеля объ ихъ утвержденіи (ратификаціи).

Только „просительные пункты“ царя Георгія, выражаясь словами ген. Кнорринга, „конца своего, сообразно предположеніямъ, не воспріяли“. Правда, они были составлены уполномоченными царя Георгія, согласно съ его инструкціями, и были аппробованы императорской властью, но они не были просмотрѣны и подписаны царемъ Георгіемъ и не были имъ ратификованы. Посылая царю черезъ его уполномоченныхъ аппробованные императоромъ «пункты«, графъ Растопчинъ просилъ его, разсмотрѣвъ и, въ случаѣ согласія, утвердивъ ихъ своею подписью, возвратить въ Петербургъ съ тѣми же уполномоченными, вмѣстѣ съ благодарственной грамотой. Съ возвращеніемъ

въ Петербургъ этихъ карталино-кахетинскихъ уполномоченныхъ, которые должны были быть наименованы послами, предполагалось заключить „по всѣмъ прошеніямъ царя обоюдный императорскій актъ“. Но актъ этотъ не былъ заключенъ, потому что уполномоченные уже не застали въ живыхъ царя Георгія, со смертью котораго въ Карталиніи-Кахетіи не было органовъ, имѣвшихъ право заключать договоры отъ лица народа: Георгій XII былъ послѣднимъ картялино-кахетинскимъ царемъ. Однако это не мѣшаетъ дѣйствительности карталино-кахетинскихъ «просительныхъ пунктовъ», какъ допольнительнаго къ трактату 1783 г. договора. Если бы «пункты» царя Георгія заключали въ себѣ что-нибудь новое, существенно разнящееся отъ содержанія существовавшаго уже русско-грузинскаго договора 1783 г., дополненіемъ къ которому они служили, тогда, пожалуй, можно было бы оспаривать ихъ силу; но какъ это очевидно изъ сопоставленія этихъ „пунктовъ“ какъ съ самымъ договоромъ, такъ и съ тѣми ходатайствами, которыя были заявлены уполномоченными царя Ираклія отъ его имени императору Павлу, при его вступленіи на престолъ, „просительные пункты“

царя Георгія не представляли ничего новаго, будучи только повтореніемъ того, о чемъ предъ смертью просилъ еще царь Ираклій и что было только дополненіемъ къ трактату 1783 г., 12-ый артикулъ котораго гласилъ: „сей договоръ дѣлается на вѣчныя времена, но, ежели что-либо усмотрѣно будетъ нужнымъ перемѣнить или прибавить для взаимной пользы, оное да возъимѣетъ мѣсто по обостороннему соглашенію“. Безъ сомнѣнія, царь Георгій, съ такимъ нетерпѣніемъ ждавшій предъ смертью возвращенія своихъ уполномоченныхъ, могъ еше произвести въ своихъ „просительныхъ пунктахъ“ частныя перемѣны, могъ исправить ихъ редакцію, устранивъ встрѣчающіяся въ нихъ неточности и кажущіяся противорѣчія, могъ сдѣлать новыя къ нимъ дополненія и исправить ихъ языкъ, но характеръ, духъ „просительныхъ пунктовъ“, навѣрное, остался бы тотъ же: уполномоченные не превышали своихъ полномочій; и, если „просительные пункты“ царя Георгія, по неустановленности текста, недѣйствительны, какъ самостоятельный договоръ, они дѣйствителны, какъ частное добавленіе къ трактату 1783 г. Отсутствіе ратификаціи, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не

мѣшаетъ юридической силѣ договора, и къ такимъ именно случаямъ нужно отнести и разбираемый нами случай, когда утвержденіе договора не состоялось по обстоятельствамъ, независящимъ отъ договаривающихся сторонъ.

4) «Просительные пункты» были заключены по свободной волѣ договаривающихся сторонъ.

Противъ царя Соломона II-го имеретинскаго было употреблено нѣкоторое военное принужденіе, чтобы заставить его согласиться на нѣкоторыя, нежелательныя для него, условія признанія русскаго верховенства, но это не мѣшаетъ правомѣрности его «просительныхъ пунктовъ»: въ международномъ правѣ ошибка и обманъ уничтожаютъ дѣйствительность договора, принужденіе же не имѣетъ такого послѣдствія. Другое дѣло, если бы принужденію, насилію былъ подвергнутъ самъ царь Соломонъ, какъ физическое лицо.

5) Эта воля была объявлена обѣими сторонами.

Одна сторона дѣлала предложеніе, другая принимала его. Впрочемъ, послѣ приведенія существованія предыдущихъ трехъ условій, это условіе могло бы быть и не

приведено, потому что существованіе 2, 3 и 4 условій само-собой подразумѣваетъ и его наличность: если не было взаимности свободнаго изъявленія воли, не могло же быть взаимности свободнаго исполненія этой воли.

6) Заключеніе „просительныхъ пунктовъ“ не противорѣчило дѣеспособности заключавшихъ ихъ сторонъ.

Договоръ не заключалъ въ себѣ ничего физически или нравственно невозможнаго, касался только договаривающихся сторонъ и не нарушалъ чужихъ правъ. Доставляемые для утвержденія императору, «просительные пункты“ были торжественно вручаемы царю или владѣтелю, и, такимъ образомъ, доводились до свѣдѣнія обѣихъ сторонъ, которыхъ они касались и которыя обязаны были ихъ исполнять, что тоже весьма важно для юридической силы договора.

Что касается редакціи грузинскихъ „просительныхъ пунктовъ“, она не отличается особенной юридической послѣдовательностью и логичностью. Будучи составлены людьми, незнакомыми съ политическими науками, эти „просительные пункты“ чужды тонкостей европейскихъ международныхъ договоровъ и часто представляютъ

неточности, заключающіяся какъ въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, такъ и въ цѣлыхъ пунктахъ; многіе вопросы затронуты слегка, другіе совсѣмъ обойдены. Но международное право толкуетъ трактаты bona fide, не по буквѣ, а по духу договора. „Содержаніе договоровъ“,—говоритъ проф. Мартенсъ, — „истолковывается опредѣленіемъ: a) историческаго происхожденія трактата; b) согласія его постановленій съ господствующими началами международнаго права и c) намѣренія, цѣли, духа договора“ [41]. Если такой взглядъ на толкованіе договоровъ примѣняется ко всѣмъ, вообще, трактатамъ, тѣмъ умѣстнѣе онъ по отношенію къ грузинскимъ „просительнымъ пунктамъ“. «Если трактаты сіи окажутся неточно изложенными или въ оныхъ будутъ опущены какія-либо нужды наши“,—писалъ владѣтель Григорій Дадіани, представляя свои „просительные пункты“,—„какъ мы еще неопытны въ европейской вѣжливости, искусствѣ и политикѣ... да обратитъ государь ликъ свой на мою мысль и освѣтитъ ее исходящими изъ него лучами“ [42]. Но далеко не всѣ „просительные пункты“ были „освѣщены“. Если нѣкоторые „пункты“,—гурійскіе, напримѣръ,—составлены весьма

удовлетворительно, зато нѣкоторые,—карталино-кахетинскіе, напримѣръ, — представляютъ значительныя неточности. Карталино-кахетинскіе „пункты“ были составлены людьми, не имѣвшими никакой къ тому подготовки, и не были никѣмъ исправлены. Тоже можно сказать объ абхазскихъ „пунктахъ“, отличающихся краткостью и неполнотой. Что касается другихъ „пунктовъ“, то мингрельскіе и имеретинскіе „пункты“ были составлены кн. Циціановымъ, на основаніи представленныхъ ему владѣльцами „пунктовъ“, которые онъ развилъ и пополнилъ, сохранивъ однако ихъ языкъ; гурійскіе же—ген. Тормасовымъ, по образцу мингрельскихъ „пунктовъ“. Чтобы подтвердить приведенную мною мысль о сохраненіи кн. Циціановымъ языка представленныхъ ему „просительныхъ пунктовъ“, хотя это и безъ того очевидно изъ сравненія первоначальныхъ текстовъ мингрельскихъ и имеретинскихъ „пунктовъ“ съ ихъ окончательной редакціей, приведу одинъ примѣръ. Кн. Циціановымъ сохранены слова „рабъ“, „рабство“ въ окончательной редакціи „просительныхъ пунктовъ,“ которые и снабжены слѣдующимъ примѣчаніемъ: „хотя слова “рабъ“, „рабство“ запрещены указомъ

1786 г., февраля 11-го дня; но какъ въ грузинскомъ языкѣ нѣтъ слова, равносильнаго вѣрноподданному (?), да и всѣ азіатцы не разумѣютъ иначе подданства, какъ подъ именемъ рабства, то и суждено было оставить оное въ переводѣ“ [43]). Однако этихъ словъ уже нѣтъ въ гурійскихъ „пунктахъ».

„Предаю себя... въ вѣчное и вѣрное *рабство*“... сказано въ 1-омъ мингрельскомъ и имеретинскомъ «пунктахъ; „предаю себя... въ наслѣдственное *подданство и рабство* престола монарха всероссійскаго»... сказано во второмъ пунктѣ абхазскихъ „просительныхъ пунктовъ“, первый пунктъ которыхъ гласитъ: «я, законный владѣтель Абхазіи, по совѣсти моей обязываюсь и вступаю *въ подданство и службу,* какъ наслѣдственный подданный самодержца всея Россіи». Тутъ слово «рабъ», которое въ данномъ мѣстѣ, дѣйствительно, гораздо слабѣе по грузински, чѣмъ по русски, употреблено въ значеніи вѣрнаго человѣка, вѣрнаго слуги, вѣрнаго союзника:хивинскій ханъ, зависимый владѣтель съ мѣстной автономіей, признавъ русское верховенство по миру 1873 года, тоже называетъ себя «покорнымъ слугой Императора Всероссійскаго». Между Мингреліей и Самурдзаканомъ были вассальныя отношенія,

въ присягѣ же самурдзаканскихъ владѣтелей мы читаемъ: «мы... державцы Самурдзакана,... рабы, какъ всемилостивѣйшаго государя, такъ самодержца Мингреліи Левана Дадіани». Если мы не примемъ всего этого во вниманіе, для насъ непонятной и странной будетъ просьба владѣтеля Григорія Дадіани о дарованіи ему *меча въ знакъ рабства* всемилостивѣйшаго государя и *сердарства* въ своихъ странахъ, выраженная въ окончательной редакціи «пунктовъ» такъ: «прошу *въ знакъ моего начальства и сердарства* во владѣніяхъ моихъ, находящихся *въ рабствѣ* Всероссійской Имперіи, да удостоенъ буду отличіями, оное означающими по азіатскому обычаю и состоящими въ мечѣ и знамени». Въ грузинскихъ «просительныхъ пунктахъ» слова „рабъ" и „рабство" употребляются въ такомъ же смыслѣ, какъ и слова „подданный" и „подданство".

Составители „просительныхъ пунктовъ" не могли найти подходящаго слова, чтобы опредѣлить характеръ отношеній, возникающихъ между сюзереннымъ государствомъ и зависимой страной изъ факта признанія одною сюзеренитета другого, и воспользовались для этой цѣли словомъ „подданство". Еще двумя столѣтіями раньше, актъ призна-

нія со стороны кахетинскаго царя Александра II-го русскаго (номинальнаго) верховенства былъ названъ актомъ подданства, и съ тѣхъ поръ, во всѣхъ почти случаяхъ признанія со стороны грузинскихъ царей и владѣтелей русскаго покровительства, это слово „поданный“ употреблялось въ смыслѣ „вассальный“ для обозначенія зависимости вассала отъ своего верховнаго покровителя. Только въ трактатѣ 1783 г., единственномъ вполнѣ удовлетворительномъ, по своей редакціи, договорѣ между Россіей и Грузіей, эта неточность обойдена: вмѣсто словъ „предаю себя въ подданство и службу“ употреблены слова „признаю верховную власть и покровительство“; народъ же грузинскій названъ не „вѣрноподданнымъ“, а „пребывающимъ въ тѣсномъ союзѣ и совершенномъ согласіи съ Имперіей“. Но такія тонкости были недоступны для составителей „просительныхъ пунктовъ“; они употребляютъ выраженія „присяга на подданство“, „вѣрноподданный царь и народъ“, поясняя въ „пунктахъ“, какъ они понимаютъ ихъ значеніе. Вотъ какъ, наприм., понимаетъ слово „подданство“ въ данномъ случаѣ царь Соломонъ имеретинскій: „какъ мы вошли въ россійское подданство, то

войска, имѣющія быть въ землѣ нашей, съ противниками и ослушниками нашими поступали бы такъ, какъ съ противниками Россіи, по нашему приказанію.—Какъ я былъ самовластенъ въ землѣ моей, такъ да буду и впредь самовластенъ, и могъ бы вѣрныхъ къ намъ награждать и невѣрныхъ наказывать". Еще лучше объясненіе этого слова мы находимъ во 2-омъ мингрельскомъ, имеретинскомъ и гурійскомъ пунктахъ: „да предоставлено будетъ мнѣ,—царю или владѣтелю,—пользоваться правами и преимуществами владѣтеля со всѣми обязанностями *вѣрноподданнаго* всемилостивѣйшаго Г. И., *яко верховнаго* моего и преемниковъ моихъ великаго *государя и повелителя*". Наконецъ, въ 3-емъ пунктѣ владѣтеля Георгія Шарвашидзе говорится объ „ознаменованія его знакомъ (инвеститурнымъ), какъ прочіе князья, *подданные* императорскаго престола ознаменованы". Само русское правительство сначала нѣсколько стѣснялось называть грузинъ подданными. «Что ваше превосходительство изволили примѣтить и удивиться, что я грузинъ называю подданными, то прошу у вашего превосходительства въ семъ извиненія, но оное сдѣлано неумышленно"... читаемъ мы въ конфиден-

ціальномъ письмѣ ген. Лазарева ген. Кноррингу отъ 11-го марта 1802 г. [41])

Постоянное сопоставленіе и сравненіе различныхъ грузинскихъ „просительныхъ пунктовъ“, взаимно объясняющихъ и пополняющихъ другъ друга, даютъ намъ возможность исправить ихъ неточности и лучше понять ихъ содержаніе: чего нѣтъ въ однихъ, то есть въ другихъ; чего одни „просительные пункты“ касаются мимоходомъ, то развито въ другихъ; что въ одномъ мѣстѣ высказано въ неясной и неудачной формѣ, то въ другомъ мѣстѣ формулировано съ достаточной ясностью. Это даетъ намъ возможность понять „духъ“ просительныхъ пунктовъ, опредѣлить характеръ русско-грузинскихъ юридическихъ отношеній и яснѣе формулировать права и обязанности обоихъ контрагентовъ.

VIII

По трактату 1783 г. и по «просительнымъ пунктамъ» Грузія всѣми своими частями вошла въ составъ Россійской Имперіи, признавъ всероссійскаго императора за своего государя и самодержца. Грузинскій царь (для удобства буду говорить въ един-

ственномъ числѣ) именемъ своимъ, наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ, призналъ верховную власть и покровительство всероссійскихъ императоровъ, обязавшись оказывать вѣрность и усердіе къ Имперіи (тракт., арт. 1; прос. пункт.: карт.-кахет., имер., мингр., гурійск.—1: абх.—1 и 2).

Какъ зависимая страна, Грузія лишилась права непосредственныхъ, международныхъ сношеній, подчинивъ ихъ контролю императорской власти. Хотя ограниченіе этого права вытекаетъ изъ самаго факта признанія русскаго верховенства, но въ трактатѣ 1783 г. этому вопросу спеціально посвященъ 4 артикулъ, дополненіемъ къ которому отчасти служитъ 7 артикулъ того же трактата, соотвѣтствующій, по своему содержанію, 7 пункту имеретинскихъ, мингрельскихъ и гурійскихъ „просительныхъ пунктовъ". Этимъ подчиненіемъ въ области внѣшнихъ отношеній ограничивалась по трактату 1783 г. зависимость Грузіи отъ Россіи,—область внутренней автономіи должна была быть совершенно изъята изъ подъ вліянія императроской власти. Эта зависимость по трактату 1783 г. представляла чистый видъ протектората: Грузія являлась страной охраняемой, покровительствуемой,

Россія же—страной охраняющей, покровительствующей. «Просительные пункты» произвели въ трактатѣ 1783 г. нѣкоторыя измѣненія, предоставивъ императорскому правительству нѣкоторую долю вліянія и на внутренія дѣла Грузіи. Сравненіе трактата 1783 г. съ „просительными пунктами" во многихъ отношеніяхъ интересно и поучительно: оно показываетъ, какъ чистый видъ протектората постепенно переходитъ въ другой видъ отношеній,—въ сюзеренитетъ, который, по опредѣленію международнаго права, есть ограниченный сузеренитетъ одного государства надъ другимъ. Здѣсь уже Грузія является страной вассальной, а страны вассальныя, какъ извѣстно, стоятъ въ большей зависимости къ сюзеренному государству, чѣмъ страны охраняемыя—къ охраняющему. Однако, какъ мы ниже увидимъ, „просительные пункты" не посягали на внутреннюю автономію Грузіи.

Во внутреннемъ управленіи права и преимущества грузинскаго царя, власть котораго дожна была быть наслѣдственной, остались въ прежней своей силѣ (трак., арт. 6; прос. пункт.: карт.-кахет., мингр., гур.—2, имер.—2 и 2 отв. п. абх.—4). Такъ какъ царь признавалъ всероссійскаго импе-

ратора за своего верховнаго государя и повелителя, то, вступая на прародительскій престолъ, по праву первородства, онъ утверждался во власти императорской грамотой и получалъ инвеституриые знаки (тракт., арт.—3; прос. пункт.: имер.—2, мингр. и гур.—2 и 13, абх.—3 и 4). Въ судебной и исполнительной власти грузинское правительство должно было быть неограничено (просит. пункт.: карт.-ках.—2, имер.—3 и 2 отв. п., мингр. и гур.—3, абх. 4), въ законодательной же—оно было ограничено лишь на столько, на сколько того требовалъ фактъ признанія верховной власти императора: законы, издаваемые грузинскимъ правительствомъ, не должны были быть противными основнымъ принципамъ общаго имперскаго законодательства (прос. пункт.: имер., мингр. и гур.—3). «Въ просительныхъ пунктахъ» владѣтеля Георгія Шарвашидзе абхазскаго ничего не говорится и объ этомъ ограниченіи: владѣтель, какъ былъ, такъ и долженъ былъ остаться «начальникомъ и владѣтелемъ наслѣдственнаго своего владѣнія» (п. 4); но вопросъ этотъ съ достаточной ясностью формулированъ въ другихъ „просительныхъ пунктахъ“: «да... предоставлены будутъ мнѣ и преемникамъ

моимъ судъ и расправа во владѣніяхъ моихъ, во всероссійскомъ подданствѣ находящихся»,—сказано въ 3 мингр., имер. и гур. пунктахъ,—«а какъ объявлено мнѣ, что во всероссійскомъ подданствѣ смертная казнь и лишеніе членовъ не могутъ быть терпимы, то да снабженъ я буду, по повелѣнію Е. И. В., законами, коими бы указаны были наказанія за человѣкоубійство, за плѣннопродавство, за воровство и разбой»; „а прочія всѣ внутреннія дѣла, преступленія и наказанія за оныя, да всемилостивѣйше позволено мнѣ будетъ, по предоставляемымъ мнѣ въ моемъ владѣніи суду и расправѣ, разбирать и наказывать по обычаю земли»,—прибавлено въ „просительныхъ пунктахъ“ владѣтеля Гуріи. Георгій XII карталино-кахетинскій,—еще отецъ котораго царь Ираклій просилъ «дать царю и народу всероссійскій законъ для управленія государствомъ, дабы онымъ исторгнуть нѣкоторыя, вкравшіяся издревле, азіатскія несправедливости судопроизводства, служащія во вредъ и противность православному христіанскому исповѣданію»—изъявилъ желаніе принять общеимперское законодательство и, прося о распространеніи «всѣхъ правъ и законовъ» рус-

скихъ подданныхъ на всѣхъ подданныхъ карталино-кахетинскаго царя (п. 15), обѣщался, имѣя главное въ своемъ царствѣ правленіе, поступать по тѣмъ законамъ, а отъ себя, безъ особаго повелѣнія, никакихъ узаконеній не вводить (п. 2). Въ рукахъ грузинскаго правительства должно было быть и финансовое управленіе страной. Прося о неприкосновенности правъ и преимуществъ грузинскаго правительства, составители «просительныхъ пунктовъ», очевидно, не нашли нужнымъ особо просить о самостоятельности финансовъ Грузіи: прося о широкой внутренней автономіи, они повидимому, не допускали возможности ея существованія безъ независимости финансовъ, такъ какъ финансовая сторона—важнѣйшая во всякомъ управленіи. Если составители „пунктовъ" дѣйсвительно придерживались этого взгляда, они, были не вполнѣ правы. Египетъ былъ зависимымъ государствомъ, находящимся подъ верховенствомъ Порты, онъ пользовался мѣстной автономіей и управлялся наслѣдственнымъ вице-королемъ, хедивомъ, имѣвшимъ прабо заключать даже международныя конвенціи по торговымъ вопросамъ; но это не помѣшало учрежденію англо-французской посто-

янной финансовой коммиссіи для наблюденія за управленіемъ, доходами и расходами Египта, когда обнаружилось финансовое разстройство этой сграны. Уполномоченные царя Георгія, впрочемъ, какъ это будетъ сказано ниже, очевидно, не придерживались опровергаемаго нами взгляда. Хотя въ грузинскихъ „просительныхъ пуктахъ“ мы не находимъ особыхъ пунктовъ, посвященныхъ этому вопросу, но однако въ нихъ есть прямыя указанія на независимость и обособленность грузинскихъ финансовъ отъ обще-имперскихъ. Такъ, въ „просительныхъ пунктахъ“ говорится, между прочимъ, что грузинское правительство должно было имѣть въ своихъ рукахъ регаліи: на лѣсъ, на монету и на горное дѣло, и пользоваться гусударственными доменами. Царь имеретинскій и владѣтели мингрельскій и гурійскій обязываются „буде въ лѣсахъ ихъ владѣнія найденъ будетъ годный на корабельное строеніе для черноморскаго флота лѣсъ,... за оный лѣсъ ни малѣйшей платы не претендовать, и да будетъ не возбранено морскимъ россійскимъ офицерамъ ихъ клеймить съ тѣмъ, чтобъ ихъ никто изъ подданныхъ владѣнія не отваживался рубить“ (п. 11). Тутъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло

съ лѣсной регаліей. Владѣтель Георгій Шарвашидзе абхазскій обѣщается „дать лѣсъ для кораблей, какъ получала прежде Порта Оттоманская“, въ вассальной зависимости отъ которой находилась раньше Абхазія (п. 7). Еще яснѣе указаны въ „просительныхъ пунктахъ“ регальность горнаго дѣла и его монопольность. Грузинское правительство смотритъ на горное дѣло, какъ на свою монополію и, отдавая его на откупъ русскимъ, которые могли прислать для разработки разныхъ рудъ серебряныхъ, золотыхъ и прочихъ металловъ, «людей сіе ремесло знающихъ», взимаетъ извѣстный налогъ. „Да не оставленъ я буду нѣкоторою частью доходовъ, въ случаѣ отысканія и разрабатыванія во владѣніяхъ моихъ золотыхъ, серебряныхъ и иныхъ какихъ рудъ“—сказано въ «просительныхъ пунктахъ“ царя имеретинскаго и владѣтелей мингрельскаго и гурійскаго (п. 5), которые обязываются для разработки рудъ „доставлять россійскимъ художникамъ потребное число работниковъ за цѣну, отъ горнаго начальства опредѣляемую» (п. 10) Такой же взглядъ на горное дѣло высказанъ и въ абхазскихъ „просительныхъ пунктахъ“ (п. 7). Карталино-кахетинскій царь Георгій, пере-

давая, согласно съ волею покойнаго царя Иракля, русскимъ горное дѣло и оставляя за собою монетую регалію, въ 9-мъ „просительномъ пунктѣ" говоритъ, что монета будетъ выдѣлываться *„изъ тѣхъ самыхъ, кои въ царствѣ получаемы будутъ,* и изъ покупаемыхъ изъ сосѣдственныхъ мѣстъ *металловъ»*, изъ чего можно заключить, что, если царь Георгій и не взималъ налога съ горнаго дѣла, то, во всякомъ случаѣ, пользовался **jus praeemptionis**. Грузинскій царь оставлялъ за собой право „дѣлать по старому образцу золотую, серебряную и мѣдную монету, съ изображеніемъ знаковъ: па одной сторонѣ—вензеля императорскаго съ надписью россійскою, а на другой—герба грузинскаго царства съ надписью грузинскою" (карт.-кахет.—п. 9). Удержаніе государственныхъ доменъ, считавшихся, безъ сомнѣнія, личной собственностью грузинскихъ царей и владѣтелей, въ рукахъ грузинскаго правительства подтверждается многими мѣстами „просительныхъ пунктовъ". Царь имеретинскій и владѣтели мингрельскій и гурійскій говорятъ о возведеніи на ихъ земляхъ новаго города (п. 6.), владѣтель Гуріи—новаго порты (п. 12).

„Просительные пункты" указываютъ и

на право грузинскаго правительства взимать прямые и косвенные налоги. Въ „просительныхъ пунктахъ" владѣтеля Маміи Гуріели мы находимъ требованіе, чтобы взиманіе таможенныхъ пошлинъ осталось на старомъ основаніи и чтобы даже съ тѣхъ портовъ, которые впредь могутъ быть построены русскими на отведенныхъ имъ мѣстахъ. 1/4 таможенныхъ доходовъ шла въ пользу владѣтеля (п. 12). Если владѣтель Григорій Дадіани отказывается отъ таможенныхъ доходовъ съ тѣхъ портовъ, которые будутъ возведены русскими, то это, какъ онъ самъ объясняетъ въ 12 п., потому, что «онъ и до того оными морскими берегами не пользовался, и они отъ него отошли силою его сосѣдей». Въ 6-хъ имеретинскомъ, мингрельскомъ и гурійскомъ пунктахъ говорится о правѣ грузинскихъ владѣтелей взимать нѣкоторую часть дохода даже съ тѣхъ городовъ, которые могутъ быть построены въ ихъ владѣніяхъ русскими, «такъ какъ»,—мотивируется это право въ первоначальномъ текстѣ мингрельскихъ „прос. пунктовъ",—многіе изъ нашихъ подданныхъ пойдутъ туда для торговли, либо для водворенія" (п. 8). Наконецъ, во 2 „запросно-отвѣтномъ пунктѣ" царя Соломона сказано,

что „права и преимущества е. в. остаются въ прежней своей силѣ“.

Итакъ, финансовое управленіе Грузіи должно было быть въ рукахъ грузинскаго правительства. Такъ какъ, послѣ нашествія Ага-Магометъ-хана, финансы Карталиніи-Кахетіи были въ полномъ разстройствѣ, то царь Георгій призналъ надъ собой контроль имперской власти въ финансовомъ управленіи и, прося для себя назначенія опредѣленнаго жалованья, обязывался, имѣя главное въ своемъ царствѣ правленіе, тратить доходы царства, согласно съ волей императора, „на содержаніе войскъ и на другія тамошнія надобности для первыхъ временъ“. Грузинскіе цари, вообще, не получали опредѣленнаго жалованья,—при частно-правомъ характерѣ государства, они смотрѣли на доходы государства, какъ на свои, и безразлично тратили ихъ какъ на свои собственныя, такъ и на государственныя нужды. Приглашая въ свою страну 6000 русскаго войска, которому нужно было назначить содержаніе, и видя, что народъ и безъ того раззоренъ и нуждается въ льготахъ, Георгій предпочиталъ получать опредѣленное жалованье, чтобы затѣмъ доходы царства тратить на „содержаніе войскъ и на другія

тамошнія надобности“. И это—„для первыхъ временъ“, до возстановленія налогоспособности гражданъ (п. 3)... „Да не лишусь я тѣхъ выгодъ и милостей“,—читаемъ мы, затѣмъ, въ „просит. пунктахъ“ абхазскаго владѣтеля,—„которыя имѣлъ наслѣдственный владѣтель абхазскій Келеш-бей, отецъ мой, получавшій ежегодное жалованье отъ Порты Оттоманской“ (п. 6.).

Грузія имѣла право содержать національное войско, которое должно было считаться частью всероссійскихъ вооруженныхъ силъ. Царь Георгій карталино-кахетинскій оставляетъ за собой право, «въ случаѣ нужды, оказывать помощь преданнымъ Грузіи ханамъ, *хотя грузинскимъ войскомъ*» (п. 12), которое, замѣчу мимоходомъ, должно было быть въ національномъ одѣяніи (п. 7). Владѣтели мингрельскій и гурійскій просятъ даровать имъ, «въ знакъ начальства и *сердарства* въ своихъ владѣніяхъ, отличія, оное означающія по азіатскому обычаю и состоящія въ мечѣ и знамени» (п. 13).

Какъ сюзеренъ грузинскаго царя, находящагося „подъ верховнымъ покровительствомъ, державой и защитой Россійской Имперіи“ [45]), императоръ ручался за цѣлость предѣловъ Грузіи, обѣщаясь защи-

щать ее отъ внѣшнихъ враговъ какъ своимъ авторитетомъ, такъ и силой оружія (тракт., арт. 2, сепар. арт. 3 и 4; просит. пункт.: карт.-как.—11 и 14, имерет., мингр. и гур.—4, абх.—5). Для огражденія Грузіи отъ внѣшнихъ враговъ и для удержанія спокойствія внутри ея, въ Грузіи должно было стоять извѣстное количество русскихъ войскъ (тракт., 2 сепар. арт.: просит. пункт. карт.-кахет.—4, 5, 6, имер., мингр. и гур.—4, абх.—5). Войска эти жили на содержаніе грузинскаго правительства, получая даровую квартиру, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, и снабжались необходимой для нихъ пищей по умѣренной цѣнѣ (прос. пункт.: имерет., мингр. и гур. 8 и 9). Войска эти должны были быть подъ начальствомъ и въ распоряженіи грузинскаго царя, главнаго въ своихъ странахъ сердаря (прос. пункт.: имер.—2 запр.-отв., мингр. и гур.—13). Царь Георгій карталино-кахетинскій не только не беретъ на себя доставлять пищу русскимъ войскамъ, но даже ставитъ условіемъ, чтобы хлѣбъ для русскихъ войскъ покупался не по удешевленной, а по рыночной цѣнѣ (п. 10). Но это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Георгій средства на содержаніе этихъ войскъ предпо-

лагалъ выдавать изъ доходовъ царства т. е. деньгами, а не натурой (п. 3).

Между Россіей и Грузіей уничтожалась таможенная перегородка, и грузиинское правительство обязывалось не взымать ни ввозныхъ, ни транзитныхъ, ни вывозныхъ пошлинъ съ русскихъ товаровъ (тракт., арт.—11; просит. пункт.: имер.—16, мингр.—12). Царю Соломону, впрочемъ, „въ замѣнъ того" должна быля быть опредѣлена «изъ таможенныхъ россійскихъ доходовъ нѣкоторая часть, въ вознагражденіе убытковъ» (п. 16).

Итакъ, по грузинскимъ «просительнымъ нунктамъ» на русскаго императора возлагались права и обязанности сюзереннаго государя, на грузинскаго же царя—права и обязанности вассальнаго владѣтеля. *).

---

1) А. Градовскій. Начало русскаго государственнаго права. т. I, стр. 158.

2) Переписка грузинскихъ церей съ россійскими государями. Тамъ же помѣщена статья Франц. Плоена: Историческій обзоръ дипломатическихъ сношеній.

*) Статья эта впервые была напечатана въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" за 1891 г.

3) Журналъ Мин. Внутрен. Дѣлъ, 1849 г., ч 28.

4) См. прибавл. къ „Санкт-петерб. Вѣдомостямъ“.
отъ 23-го ноября 1753 г., въ которомъ показывается, что западно-европейскіе толки объ успѣхахъ Ираклія слишкомъ преувеличены.

5) Бутковъ. Матер. для новой исторіи Кавказа. I, стр. 278.

6) Полн. Собран. Законовъ Россійской Имперіи, т. XXI; Батковъ, т. II, стр 123—128.

7) Письмо императрицы отъ 18 авг. 1783 г. См. Н. Дубровина. Истор. войны и влад. русск. на Кавк., т. II, стр. 11.

8) Донесеніе, поданное императору карт.-кахет. министерствомъ 11-го іюля 1797 г. Ibid., т. III, стр. 207—208.

9) См. Пл. Іоселіани. Жизнеоп. царя Георгія.

10) См. Русск. Старину: 1880 г. №№ 5, 6 и 7.

11) См. Буткова, т. II, стр. 463—464; Чтенія въ Имп. Общ. Истор. и Древн. 1862 г., кн. II.

12) Письмо царя Георгія къ уполномоченнымъ. См. Пл. Іосселіани, стр. 112—113.

13) Дубровинъ. Исторія войны и влад. русскихъ на Кавказѣ, томъ III, стр. 335.

14) Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, кн. II, д. № 121.

15) Рескр. 23 ноябр. 1800 г. Акты, т. I, кн. II, д. № 122.

16) Письмо Лазарева къ Кноррингу отъ 2 янв. 1801 г. Акты. т. I, кн. II, д. № 142.

17) Акты, т. I. д. № 146.

18) См. весьма интересное сочиненіе Ал. Ег. Соколова: Путешествіе мое въ Иеретію, мое тамъ у

царя пребываніе, съ нимъ сношеніе и обратное оттуда путешествіе.

19) Письмо кн. Циціанова къ мин. Итал. отъ 26 февр. 1803 г. Акты, т. I, д. № 688.

20) См. первоначальный текстъ „просит. пунктовъ“ ц. Соломона. Акты, т. II, д. № 733.

21) Акты, т II, д. № 734.

22) Письмо кн. Циціанова кн. Чарторискому, 23 марта 1804 г. Акты. т. II, д. № 742.

23) См Дополн. и прилож. ко II части VI тома Антонъ, д. № 48.

24) Акты, т. II. д. № 748,

25) Idid., т. II, д. № 780.

26) Idid. д. № 740.

27) Idid. д. № 899.

28) См. первоначальный текстъ „просит, пунктовъ“ владѣтеля Мингрелія. Акты, т. II, д. № 908,

29) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXVIII, 21382, а.

30) Акты, т. VI, ч. II. Дополн. и прилож. д, № 49.

31) Акты, т. II, д. № 977.

32) Акты, т. II, д. № 1031,

33) Отношеніе ген. Тормасова отъ 12 октября 1810 года. Акты, томъ IV д. № 597.

34) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., Общ. Прилож. къ т. XL, 24584, а.; Акты, т. IV, д. № 597.

35) Акты, т. IV, д. № 607.

36) П. С. Зак. Росс. Имп., Общ. Прилож. къ т. XL, 24128, а; Акты, т. III, д. № 375.

37) Акты, т. IV, д. № 536.

38) См. Пл. Іосселіани: Жизнеоп. царя Георгія.

39) Мартенсъ. Международное право, т. I, стр. 399.

40) Idid. см. стр. 383—396.

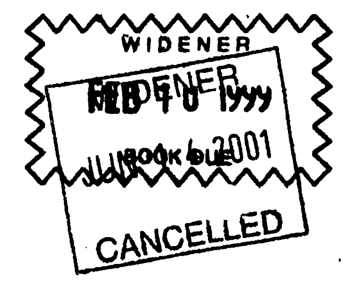
41) Idid т. I, стр. 413.

42) См. первонач. текстъ, п. 9. Акты, т. II, л. 908.

43) П. С. З. Р. Имп., т. XXVIII, 21382, а.

44) Акты, т. I, д. № 454.

45) См. Высоч. грамоту имп. Александра отъ 8 апр. 1811 г. Акты, т, IV, д. № 607.


WIDENER
WIDENER
FEB 10 1999
JUN 14 2001
BOOK DUE
CANCELLED